

НАТАЛИЯ ТЕРЕНТЬЕВА

ФЕЕЧКА

Наталья Михайловна Терентьева

Феечка

Серия «Золотые небеса»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40190365
Феечка. Роман: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-111166-3

Аннотация

...В этом взгляде было все. И любовь, и жалость, и нежность, и еще что-то, чему нет слов, потому что это больше слов. Наверное, это то чувство, которое даже не вмещается в слово «любовь».

Ты умная и красивая, молодая и полная сил, энергии, желания изменить мир к лучшему, и тот, кого ты любишь, знает, как это сделать. Ведь это означает, что он создан для тебя, а ты для него? И не важно, что ты не одна его любишь. И не так важно, что совсем недавно он был женат. Но теперь он свободен и одинок. Рядом с ним – пустое место. И это место возможно – твое...

Наталья Терентьева
Феечка
Роман
Книга издана в
авторской редакции

*Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.*

Марина Цветаева

Все события и персонажи этого романа вымышлены, любые совпадения случайны

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Терентьева, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Вокруг меня – огромное небо. И чужой город. Город, в который стремятся, едут, сбегают, город, в котором пропадают и оседают, находят счастье и разочаровываются. Город, в котором живут, маются, радуются, страдают тридцать миллионов человек, это ведь одна пятая всех жителей России. Тридцать миллионов близко-близко, кучно-кучно, и врозь, каждый со своими страхами, надеждами, планами, сомнениями, бедами и радостями.

Я об этом думаю каждый день, когда иду от общежития к университету. Бегом – двенадцать минут, на троллейбусе – почти столько же. Нормальным шагом, с размышлениями и прогулкой – двадцать. Я часто прихожу самая первая и смотрю, как прибегают другие, как спешит преподаватель и влезают опоздавшие. Мне не доставляет особого удовольствия приходить раньше всех и сидеть в пустой аудитории, просто я прихожу всегда вовремя и иначе не могу.

То, что москвичи – другие, я знала. Но не знала, что настолько другие. И еще не предполагала, что у них столько мифов о жителях Санкт-Петербурга, то есть и обо мне, в частности. Мы заносчивые, мы кичливые, мы рафинированные... Откуда появляются эти слухи? Мы разные, так же как и москвичи.

На курсе из Питера я одна. Есть девочки из Сибири, с Ура-

ла, из Краснодарского края, есть даже с Дальнего Востока. Есть две девочки из Прибалтики. И есть мальчики, их трое. Иногда мне кажется, что лучше бы их не было. Может быть, мы тогда мечтали бы: «Вот были бы у нас мальчики, было бы веселее». А если бы мальчики были умные, было бы интереснее и веселее... А если еще и красивые... Хотя весело у нас и так, и с такими мальчиками.

– Ты по-прежнему делишь мир на мужчин и женщин? – спросил меня Рома сегодня утром, заходя в аудиторию. – Зачем ты опять пришла так рано? Спала бы. Или красилась. Я вот прядку покрасил. Красиво? А зачем заранее приходиться?

Я пожала плечами. Конечно, это глупость, особенно здесь, в Москве, где понятия «вовремя» как будто не существует. Опаздывают все – студенты, преподаватели, охранники, поезда, автобусы, повар в кафе не успевает вскипятить воду к нашему десятиминутному перерыву, охранник – открыть дверь к тому времени, когда я прихожу первая и стою, жду, когда мне откроют двери гуманитарного корпуса Московского университета, о котором я так мечтала.

И вот – я здесь, в безалаберной, шумной, веселой и страшной Москве. В городе, где ломаются мечты, осуществляют-ся мечты, искажаются мечты. И рождаются мифы, живущие потом веками.

– У тебя есть пудра? – вслед за Ромой подошел ко мне Антонс, он же просто Антон, мальчик из маленького латышского городка, который, так же как другие прибалты, поступил

на наш факультет без конкурса, потому что он иностранец.

Иностранцев надо учить бесплатно, чтобы они возвращались к себе, наполненные глубокими знаниями о нашей стране и правильными мыслями.

Антон вряд ли догадывается, зачем его здесь учат бесплатно. Тщательнейшим образом изучая свое лицо, он каждый день переживает вновь и вновь то, что без моей пудры он похож на жабу с пупырышками. Так я ему сказала, когда в один из первых сентябрьских дней он пришел к нам в комнату за сахаром, сел на мою кровать, потом лег, потом стал хватать меня за ноги, за руки, за попу. Он ужасно обиделся за «жабу», два дня меня не замечал, а потом попросил пудру. Почему именно у меня – не знаю. Почему он не купил ее сам – догадываюсь. Он беден, так же как большинство наших студентов, особенно тех, кто учится на бюджете, иностранцы – не исключение. Мне Антонс как мужчина не нравится совсем, но пудру я ему дала, и постепенно мы даже подружились, поскольку за ноги и прочее он меня больше хватать не решается.

Третий мальчик, Боря, такой странный и зацикленный на себе, что на него не делают ставки те девочки, которые заочно поделили между собой всех китайцев нашего «гума» – корпуса гуманитарных факультетов. А китайцев здесь так много, что хватит на всех невест-филологов и еще останется. Мы – не филологи. Мы – будущие работники ноосферы. Ноосфера – это область всей интеллектуальной деятельности,

в основном, конечно, культуры. Именно поэтому я здесь – потому что в родном Питере нет такого факультета. Точнее есть, но не совсем такой. На нашем факультете учат многому, но ничему конкретному, хотя все до единого верят, что однажды они будут работать в каком-то очень интересном месте, там, где рождается культура. По крайней мере, я так думаю. Потому что я в свободное время обычно или читаю, или думаю.

Мне немножко мешают жить две вещи: ум и красота. Я свой ум чувствую, а красоты не вижу и не ощущаю, напротив, кажусь себе дурнушкой. Но я часто о ней слышу. Это ведь миф – о том, как легко и хорошо красивым и умным. Нет. Ум отягощает и отделяет от других. Красота тоже крайне обременительна. Девочки часто относятся ко мне с осторожностью и недоверием. И я их понимаю, потому что это несправедливо, как многое в нашей жизни на Земле.

Мальчики моего ума боятся – те, кто в состоянии понять, что я умная. Но все равно я им нравлюсь, особенно когда молчу. Возраст этих мальчиков, которые намекают, приглашают, подлавливают, в общем – привязываются, очень разный – от раннего пубертатного до сильно пожилого возраста.

Поэтому я придумала себе неожиданный и удобный способ. Во-первых, я представляюсь как Тузик. Не важно, что на самом деле меня зовут просто Надя. Каждый старается придумать что-то еще более смешное и несообразное, чем эта кличка. Тузя, Тузька, Тузяма... Как только меня не зо-

вут. И второе. Я стараюсь к месту и не к месту говорить, что я дурнушка и дура. Тузик, одним словом. Страшная, неталантливая, несмешная, несообразительная, неумелая... Что у меня слишком толстая попа, слишком быстро растут волосы – по всему телу, и я их брею каждое утро, кроме головы, на голову времени не остается, поэтому у меня такие длинные и пышные волосы, что на глазах у меня линзы, поэтому глаза такие ярко-синие. Ведь таких глаз в природе не бывает. Что мама сделала мне пластическую операцию, потому что я была такой страшненькой, что меня не брали в школу – дети плакали при виде меня.

Кто-то поначалу удивленно приглядывается, кто-то спрашивает: «Что, специально приbedняешься?» Но я стою на своем. И люди выдыхают, верят. И я никогда не рассказываю и не кичусь, что я в классе была первая, и слух у меня музыкальный отличный, и мне все вообще легко дается. Я легко пишу, легко запоминаю, с легкостью считаю в уме, хотя я гуманитарий чистой воды. Нет, я этого ничего не говорю.

Я из обычной хорошей семьи, где есть мама и бабушка, когда-то был папа – был и сплыл, как выражается моя мама. Бабушка, в прошлом учитель русского и литературы, выражается крепче. Но я с бабушкой спорю, всегда, с малых лет. Люблю ее и – спорю. И она меня любит. И тоже со мной спорит. Потому что я делаю все по-своему. Выбираю других писателей, которых она отрицает, друзей, которые ей не нравятся. Я люблю Горького и Некрасова, а бабушка – Бунина

и Куприна. Бабушка называет меня «девочка-атавизм», а я ее – «бабушка-пропеллер». Иногда мы спорим об одном и том же по две недели. Просыпаемся утром – и все начинается снова. Это довольно тяжело, особенно для моей мамы, которая мечется меж двух огней.

Мама – оперирующий врач-хирург, и ей дома нужен покой, а не взрывы и огни, между которыми она вынуждена метаться. Бабушка этого не понимает, она привыкла драться до конца.

Бабушка родила маму в восемнадцать с половиной лет, мама родила меня в девятнадцать с половиной лет. Теперь, следуя этому алгоритму, я должна родить бабушке правнука в двадцать с половиной лет, чтобы она наконец успокоилась и перестала вести со мной бои. Сейчас мне почти девятнадцать. У меня осталось совсем немного, чтобы найти отца для бабушкиного правнука и продолжить традицию.

Мальчики с курса отпали в первую же неделю. Они не годны даже как биологический материал для получения потомства. Я понимаю, что каждый из них личность, человек, у них тоже есть душа, а также любящие мама и бабушка, и они бы очень обиделись, если бы услышали мои рассуждения. Нет, людей-то я в них как раз вижу, даже в том крайне странном виде, в котором они любят являться – в розовых распашонках с капюшончиками, в коротеньких обтягивающих штанишках, с голыми щиколотками, на которых сделаны та-туировки с глубоким смыслом... В блестящих кроссовках, с

сережками, с перекрашенными волосами, то собранными в хвостики, то выбритыми полосками. Людей-то вижу, но не вижу в них мужчин. Хотя наши мальчики вполне традиционной ориентации, по крайней мере, друг с другом не целуются и женихи их во дворе не встречают.

В нашем «гуме», который, как все сразу бросаются объяснять, всегда был корпусом невест, мальчиков мало. А те, которые есть, мало похожи на мужчин в массе своей. И дело даже не в капюшончиках, не в прическах и не в татушках. Были времена, когда мужчины носили кружева, напудренные парики и отращивали ногти под длинный маникюр. А татуировки – как раз признак мужественности, правда не у нас, а у диких племен. Может быть, человечество на самом деле развивается по спирали. И никто сейчас не думает о том, что однажды мы все снова наденем шкуры, когда взорвем свою планету – не всю, но бóльшую ее часть. А те, кто останется, начнет все с начала... Я часто об этом думаю. Только мне поговорить об этом особенно не с кем. И было не с кем в школе, и теперь тоже не с кем.

Когда я ехала в Москву, в МГУ, главный вуз страны, я думала, что там все такие же, как я. Не в том смысле, что у них пронзительно синие глаза и светлые волосы до пояса – это все как раз антураж. А то, что там соберутся все, кто любит читать, думать, кого волнуют серьезные вопросы развития человечества. Я думала, что на наш факультет поступят люди, которые хотят заниматься историей и теорией науки и

культуры и любят культуру. И что на остальных гуманитарных факультетах тоже учатся только те, кому интересна история, философия, литература... Но я очень сильно ошибалась.

На нашем курсе, кроме трех мальчиков, изнеженных, капризных, инфантильных, учатся еще тридцать восемь девочек. Семь – бесплатно, получая стипендию, как я, остальные платят за свое обучение. Иностранцы и «квота», то есть те, кто поступил на каких-то особых условиях, от иностранных государств или автономных республик России, – не в счет. Они тоже не платят, но они для этого ничего не сделали. Родились в другой стране или в семье руководителя какой-то области, республики.

Те из «платников», кто не добрал совсем чуть-чуть до бесплатного обучения, учатся хорошо. Сдали легко, с первого раза, первую сессию, все зачеты и экзамены. И в семестре ходили на занятия, делали творческие задания, которыми нас просто завалили по всем предметам, обычным и удивительным, придуманным, видимо для нашего факультета. Говорят, точнее, не говорят, а шепчутся, что наш факультет образован по прямому распоряжению то ли президента, то ли министра культуры... И что именно кто-то из нас в свое время станет если не новым министром культуры, то руководителем каналов на телевидении, директором телерадиовещания или, на худой конец, Третьяковской галереи... и так далее. Но что из этого слухи, основанные хоть на чем-то реаль-

ном, а что лишь глупые домыслы и фантазии, – я не знаю.

Я просто вижу, что часть из тех, кто учится на родительские деньги, учиться здесь не должны. Кому ничего не интересно, кто на лекциях спит – в лучшем случае в поточной аудитории, а так – где-то в другом месте. Кто все творческие задания воспринимает в штыки, а задания и семинары по академическим дисциплинам считает личным горем.

– Ну, бли-и-и-ин, зачем нам история... – начинают ныть с утра девочки. – Зачем нам русский... Я и так хорошо говорю... Зачем нам литература... Зачем нам география... Я это никогда не запомню... Никель... Зачем мне знать, где добывают никель... Зачем это тупое искусствovedение... Кому это старье нужно... Прерафаэлиты... Это выговорить невозможно... Зачем нам философия... Они все устарели... эти ницши...

– А зачем ты сюда поступила? – как-то не выдержала я и задралась к активной блогерше, Насте Рычкиной, крупной, высокой девушке, с большими губами, большими зубами, большими глазами, большими ушами, большими руками, которая всегда громче всех говорит, задает много вопросов, суть которых – зачем нам весь этот бред, написанный, придуманный, нарисованный, построенный задолго до того как Настя открыла глаза, взяла телефон, направила его камеру на себя и сказала: «Приве-е-е-ет, друзья! Вот и я. Простите, что так долго не снимала сюжет. Я обещала рассказать вам о том, какие фильмы надо смотреть...»

– Ну, бли-и-и-ин, ты вообще место москвичей заняла, молчи лучше, – стала заводиться Настя. – Зачем тебе было из Питера сюда переться? У вас там и так всё есть... Сидела бы там у себя на болоте... У вас там все такие отстойные, как ты? Бли-и-и-ин... Заставляют слушать какую-то муть... Зачем мне знать, о чем там думал какой-то Шопингаур, если он вообще всё не то думал... Бессвязная муть... тупизна...

Кто-то поддержал Настю, и я больше не стала спорить. Какой смысл доказывать Насте, что на самом деле стоит прочитать и Шопенгауэра, и Ницше, и Руссо, прежде чем рассуждать, какие фильмы надо смотреть, а какие не надо, прежде чем кого-то учить. Да, да, Настя именно этим занимается – записывает блоги с рекомендациями, о каких драконах стоит читать, о каких нет, какую эротику и боевики в первую очередь смотреть, это вовсе не означает, что она все это посмотрела и прочитала сама. Ведь чтобы что-то рекомендовать, главное – красиво накрасить ногти, постричь по моде волосы, купить эти книжки, сложить стопочкой и показывать, говоря, что – «полный отстой», а что – «блин, круто». Суть не в книжках и фильмах, о которых говорит Настя в своих блогах, – суть в том, чтобы смотрели на Настю.

За Настю заступились, но у наших москвичей на самом деле нет никакой общности и сплоченности. Наоборот, они каждый за себя. И понятно, что я не заняла чье-то место, я приехала на свое место, которое именно здесь. Потому что мне очень нравится учиться. Мне нравятся и предметы, и

преподаватели, и декан – энергичный, талантливый, неординарный человек, который работает и на телевидении, и в театре, и в кино, и на радио, и пишет книги, и даже принимает участие в общественных движениях, находит время. Мне нравятся его идеи и он сам. Наверное, будь бы он моложе, я бы в него влюбилась. Но в человека, в три с половиной раза старше меня, влюбиться трудно. Хотя у нас есть пара девочек, у которых совсем взрослые поклонники (или любовники – сказать трудно). Но они за ними приезжают или присылают машины. Некоторые им завидуют, а я испытываю странное чувство – любопытства и брезгливости одновременно.

Трудно быть не такой, как многие. Не как все, нет, потому что все очень разные. Я знаю, что со мной общаться трудно, оттого что я правильная, умная и красивая. Чудовищное сочетание. Если это произносишь вслух, то это звучит как приговор. «Вас ожидает девяносто лет одиночества». С чего, кстати, я решила, что у меня есть эти качества? Может быть, это мой собственный миф? Человечество анализирует происходящее и придумывает себе мифы. И дальше сообразно этим мифам живет. У отдельного человека все происходит точно так же.

– Тузя, на встречу с журналистами пойдешь? – подошедшая сзади Ульяна слегка стукнула меня по плечу.

Я обернулась. Я бы дружила с Ульяной, если бы не ее острый язык. У меня у самой острый язык. Вдвоем нам тяже-

ло. В один из первых сентябрьских дней на лекции я оказалась рядом с красивой темноволосой девушкой. Мне показалось, что она чуть старше меня. В короткий перерыв девушка спросила меня, чуть прищурясь: «Пойдешь курить?» – «Я не курю». – «Я тоже, – засмеялась она. – Я Ульяна».

– На какую встречу? На следующей неделе творческий проект надо сдать. Я еще только половину сделала.

– Монахов и Андреев приедут. Знаешь их?

У меня мгновенно замерло сердце. Не то слово – знаю...

– Андреев?..

Ульяна, умная, слишком умная, чтобы быть моей подругой, тут же заметила мою реакцию.

– Ага, знаешь! Пойдем тогда! А то из наших никто идти не хочет!..

Я медленно кивнула. Я бы, конечно, предпочла без Ульяны идти... Неизвестно, как она будет там себя вести на встрече, какие вопросы задавать или реплики отпускать, у нее язык без костей, и она в себе слишком уверена, как и многие москвичи... Не случайно наш декан зовет их «московскими пижонами». Сам москвич, а москвичей-студентов терпеть не может, потому что они с гонором, нагловаты в массе своей, опаздывают, приходят на лекции и семинары посреди пары, с первыми холодами надели такие шубы, что моей маме надо удалить аппендициты и желчные пузыри половине питерцев одновременно и потребовать деньги, чтобы заработать на такую шубу. Нет, это не зависть. Это классовая ненависть.

У нас в стране есть классы, никуда от этого не деться, классы эти образуются сами по себе, и еще их формируют специально, я это недавно поняла. Когда однажды мама пришла с работы и сказала:

– Представляешь, утверждена новая система окладов. У заведующего больницей теперь зарплата в пятнадцать раз больше, чем у меня.

Бабушка всплеснула руками: «Едрить-мадрить!» – обычная ее присказка, когда она не позволяет себе по-нормальному материться, и посоветовала маме впредь голосовать за крайне правых, поскольку они вообще против всего.

Мама лишь отмахнулась:

– Какие «правые», мам!.. И голосованием тут уже не поможешь...

А я осторожно спросила:

– Ему увеличили зарплату или тебе уменьшили?

– И то, и то, – усмехнулась мама. – Какие-то сложные коэффициенты ввели. Как будто увеличивающие зарплату, а как начинают считать – так все наоборот. Ничего, все берут взятки за операции, надо и мне научиться.

– Пока ты оплату за свою работу взятками называешь, брать никогда не начнешь. Да и что это вообще такое? Почему у врача, который в руках сердце человеческое держит, зарплата, как у дворника? Вот до революции... – Бабушка завелась, начала рассказывать, как хорошо было при царском строе, когда врачи были самые уважаемые люди, после гене-

ралов и профессоров университетов.

– Ты плохо Чехова читала, ба, смотря где этот врач работал, кого лечил, – встряла я.

– Не сердце, мам, а кишки и аппендициты, во-первых, а во-вторых, по мне бы – в советской больнице работать, вот это в самый раз, – вздохнув, ответила мама.

– Не зови в прошлое, Таня, – как обычно, ответила ей бабушка. – Не вернемся мы в СССР, да и не так прекрасно там было, как ты думаешь, ты ведь там толком не жила, а я жила. Было бы все, как тебе кажется, мы бы к такому, как сейчас, не пришли.

Я обычно не вступаю в споры мамы и бабушки о прошлом. Не потому что я там не жила и мне трудно понять, что там было на самом деле. То, что до революции людям плохо жилось, это понятно – об этом тома русской литературы написаны, которые никто толком не читает, а как жили при советском строе – я не знаю, но точно лучше, чем при царе. Я больше верю Чехову и Толстому, чем телевизору. Они писали, потому что души их разрывались от сознания несправедливости, а телевизор – это средство убеждения, пропаганды и промывки мозгов. Нам это так с первого занятия по теории телевидения и рассказывают.

Просто я принципиально, с самого раннего детства, стараюсь не принимать ничью сторону – ни мамину, ни бабушкину. Точнее, как принцип это сформировалось позднее, но мне никогда не хотелось, чтобы одна из них выглядела по-

бежденной. Бабушка-то, которая не любит все советское, тем не менее всегда говорит: «Голосуем!» и первая поднимает руку: «Я – за!» или «Я – против!» А я, даже если я точно «за» или «против», говорю твердо: «Воздержалась!» И на том стою.

Характеры у нас у всех одинаковые. Как так может быть – непонятно. По идее, бабушка при ее бойцовском характере должна была подмять маму, и она могла вырасти несамостоятельной и мягкотелой. Но мама – сама боец. И я тоже. Только я, как выражается бабушка, – боец невидимой армии. Она считает, что из меня вышла бы хорошая разведчица. Но я решила развивать российскую культуру, наметила себе путь и поступила, куда хотела. Бабушка тогда носилась по квартире с рюмкой корвалола, с потухшей сигаретой, с какими-то листочками, на которых были записаны телефоны московских знакомых, у которых я могла бы жить, приговаривая:

– Не будешь же ты там гонять тараканов по общежитию, когда у нас такая огромная квартира в Питере!..

– С мышами, мам... – вздохнула моя мама. – Вчера опять ночью кто-то очень маленький и трогательный скребся под плинтусом. Можно я поставлю нормальную мышеловку?

– Нет!.. Живое убивать не дам! Поменяй батарейки в отпугивателе! Ультразвук – и никаких мышей! Вот ты скажи, Таня, как девочка будет жить одна в этой ужасной Москве? Среди грубых, необразованных людей!.. А, как?

– Молча, ба, – ответила я. – Выучусь и приеду обратно.

– Ужасно, ужасно... Зачем? За-чем?! Ты мне можешь сказать? Живем рядом с самым лучшим в мире университетом, пешком можно дойти! И факультет такой же есть!..

– Не такой. Там – уникальный факультет, авторский.

– Чем? Чем он уникален? Нет, ну вы подумайте! Человек живет на Васильевском острове и добровольно едет – куда!.. – в Москву! Чем ты там дышать будешь?

– А чем у нас дышать, мам?.. – ради справедливости вступилась мама. – Ароматами кожаного и авторемонтного заводов? Нашими пробками на мостах?

Провожали меня мама с бабушкой на творческий экзамен, как на войну. Не плакали – но просто потому что у нас в семье женщины не плачут. Я знала, что они надеются, что я не поступлю. Но я поступила и даже на бюджет. Теперь я езжу на выходные домой, не каждый раз, но чаще, чем некоторые девочки, которые живут в подмосковных городах. Езжу в плацкарте, езжу на автобусе – это самое дешевое. Потому что скучаю по маме и бабушке. И они скучают. Каждый раз начинают уговаривать меня перевестись в наш университет или хотя бы в Институт современного искусства, потому что там на самом деле есть похожие факультеты, которые по-другому называются.

– Нет, – твердо отвечаю я.

Потому что знаю, зачем учусь в Москве. В ужасной, грохочущей, суетной, очень грязной. И одновременно роскош-

ной, красивой, бесконечной. Мне Москва напоминает разжиревшую красавицу в возрасте. Наряженную, сильно накрашенную, с пышными кудрями, разбросанными по толстой спине, всю в кольцах, серьгах, бусах, с кружевами, воланами, бахромой, пятислойной одеждой – и с грязными босыми пятками, виднеющимися из больших дырок на носках, с одышкой, потную, надушенную-передушенную... И несмотря ни на что – неотразимую и обаятельную, по природе своей, громко хохочущую, что-то напевающую, постоянно привлекающую общее внимание. Не нарочно – такую трудно не заметить.

Ульяна – для меня как истинная москвичка – тоже очень яркая и громкая. Одевается она хорошо, небрежно, просто и дорого (так мне кажется). На семинарах отвечает в точку, прекрасно поет, слишком прекрасно – зачем было поступать сюда к нам и так петь? Шла бы в Гнесинку... Шутит острее, чем я... В общем, мне она – не подруга. Причем я вижу, что нравлюсь ей, а она мне – нет.

– Так что, Тузик, идешь? – Ульяна приобняв меня, теперь ждала моего ответа и одновременно фотографировалась вместе со мной.

Дурацкая привычка многих. Снять тебя в самом нелепом виде и поставить в Сеть, обязательно написав, кто ты. Потом любой человек, набрав мою фамилию, может наслаждаться видом моего уха, вытянутого вбок носа (если снимать снизу

и очень близко). Но я сдержалась, не стала комментировать. Я хороша в любом виде, даже с лицом, искаженным неверной съемкой, и... – что мне от этого? С лица воды не пить, со своего в том числе.

– Иду.

Я иду – точнее, бегу или лечу. Но никто об этом не узнает, даже Ульяна, умная и проницательная.

– Знаешь их? Читаешь посты?

– Ну да, – как можно нейтральнее ответила я. – Немного знаю.

Не рассказывать же Ульяне, которая мне – никто, совершенно чужой человек, что одного из них я не то что знаю, а... какое слово будет правильным? Обожаю? Сла́бо. Боготворю. Глупо. Нет. Люблю? Не уверена. Потому что не знаю пока, что такое настоящая любовь.

– У Андреева вчера онлайн-встреча была в Ютьюбе, – стала рассказывать Ульяна.

Я молча кивнула. Я ждала эту встречу. И написала ему вопрос. И он мой вопрос почему-то не прочел. Хотя я задала ему очень умный, хороший вопрос и была уверена, что он на него обязательно ответит. Я спросила – как он считает, может ли женщина быть таким же борцом за справедливость, как и мужчина. Я знаю ответ и одновременно его не знаю. Я чувствую в себе способность встать рядом с Андреевым и верить в то, во что он верит. Но ведь я хочу не столько бороться за справедливость, а просто быть рядом с ним.

– Читала его книгу? Он недавно выпустил книгу, – продолжала Ульяна.

– Так... видела... – уклончиво ответила я.

Я купила его книгу в прошлом месяце на последние деньги и начала ее читать. Пять дней до стипендии ела пшенку и пила еле сладкий чай, не ходила в столовую, брала с собой хлеб. Книга оказалась очень дорогая, зачем-то слишком хорошо изданная – на толстой белой бумаге, с цветными фотографиями. Но я ее купила, потому что тираж маленький, и еще потому, что это даже волнительнее, чем слушать его онлайн. Читаешь буквы – и голос его звучит у тебя в голове. У тебя одной. А когда он сидит перед экраном в своем доме и разговаривает со зрителями – это лишь иллюзия, что он говорит мне. Он смотрит в камеру и говорит всем. А книга – это совсем другое, я слышу его настоящую интонацию, читаю его мысли.

Не могу сказать, что мне все в его книге интересно. Там, где он углубляется в экономику, – не очень. Но я представляю, как он ее писал, морщил свой прекрасный высокий лоб, клал руку на лоб, как он всегда делает, когда думает, что ответить, потом быстро-быстро набирал текст на клавиатуре... он улыбался собственным мыслям или хмурился... а руки, его красивые руки, которые всё умеют (он ставит фотографии своей бытовой жизни) легко летали по клавиатуре... Я уверена, что он все делает быстро – быстро ходит, быстро пишет. У него веселый быстрый взгляд, мгновенный смех,

белые-белые зубы, небольшой рот, нос... Вообще весь он не очень крупный, но такой ладный, так правильно скроенный. И говорит – не важно о чем – именно так, как я бы сказала, только я так не умею. Я всегда слушаю его с огромным удовольствием. Бесконечно могу слушать, даже если тема мне не слишком интересна. На самом деле я до встречи с ним была почти нейтральна в политике, в отличие от моей мамы и бабушки, а может быть, в противоречие им. Они всегда так буйно спорят, что я привыкла отходить в сторонку, не принимая ничью сторону.

– А я ему вопрос вчера задала, – весело сказала Ульяна. – Правда, подписалась «Ульбрихт». И он мой вопрос прочитал. И ответил на него.

Я посмотрела на Ульяну. Да, я помню этот длинный и очень странный, на мой взгляд, вопрос. Я еще подумала – чего этот человек хочет? Свой ум показать или вопрос задать? А Андреев почему-то долго читал вопрос и так подробно отвечал, что я даже решила – он сам его себе задал. А это, оказывается, была Ульяна... Действительно, Ульяна-Ульбрихт... Чудная она...

– Что ты так смотришь? – пронизательная Ульяна заметила мое замешательство.

Я побыстрее отвела глаза.

– Думаешь, он мне нравится? Нет, просто мне нравятся его мысли. Он – умнейший человек.

Я кивнула. Я-то знаю, что он умнейший человек. Но еще

знаю, что никто так хорошо не улыбается, как он. В тридцать семь лет иметь такую чистую, детскую улыбку. Никто так не смотрит – прямо тебе в глаза... Даже с экрана кажется, что он смотрит в мою душу. Я знаю, что это очень глупо – влюбиться в человека, который сидит в студии, смотрит в камеру, а потом словно приходит к тебе домой и разговаривает с тобой – с экрана телевизора, компьютера или телефона. Но... что же могу теперь поделать? Любовь это или лишь влюбленность, но именно из-за Андреева мне все мои сверстники кажутся такими ничтожными. Девятнадцать лет разница – это много или мало? Бывает же и тридцать лет разница. И ничего – живут, детей рожают.

Так я себя утешаю, зная, что это на самом деле огромная разница. И представляю, как бы побежала по квартире бабушка, хватаясь за голову и роняя пепел на пол, как бы выпрямилась на стуле мама и сказала: «Так. А теперь с самого начала. Где была твоя башка, когда ты позволила себе влюбиться?» Поэтому я им, моим самым любимым и дорогим, ничего не говорю. Приезжаю домой, сажусь поближе к маме, кладу ей голову на плечо и молчу. Мне кажется, мама догадывается, что у меня появилась какая-то тайна в Москве, но она ничего не спрашивает. А бабушка, наоборот, подступает с очень тонкими, как ей кажется, расспросами – изда-лека-издалека.

- Ну, как там мальчики в Москве – начитанные?
- Накуренные, ба. И напитки.

– Надя!.. – Бабушка отмахивается. – Ну что за шутки! Курение еще никого не портило! Не вали все в одну кучу. Курить это курить. Здоровью вредить, и все. А пить – другое. И если в меру, кстати, то и пить... Вот дед твой полгорода вылечил, а выпить по маленькой любил. В воскресенье – три законные. Таня помнит.

– Смотря как пить и что курить, ба. Мои однокурсники не только табачок курят.

– Что ты говоришь!.. Я не верю. Элитный факультет! Лучшие поступили!

– Это ты так думаешь. Все элитное – здесь, дома. А в Москве – базар, проходной двор. Половина у нас блатных, половина платных. Некоторые пишут с такими ошибками, что русичка попросила копию аттестата – посмотреть, как сдан русский.

– И как?

– На пять, ба. И не в Дагестане, в подмосковном Королёве.

– Я и говорю – возвращайся, дома лучше.

– Дома лучше. Это правда...

И на самом деле, я бы, наверное, уехала, не выдержала бы довольно формального обучения – я не ожидала, что снова в программе будут школьные предметы – русский, история, литература, география, обществознание, что некоторые преподаватели будут относиться к занятиям не то что формально – никак. Пришел, посидел, отметил присутствующих, рассказал про своего сына или кота и ушел. Что на физкультуру

можно даже не носить форму – занятие есть в расписании, а урока как такового нет. Отметился в любое время за полтора часа – и гуляй. Что историю зимой сдали автоматом все, кто не понимает, чем отличается Иван Грозный от Петра Великого – кто из царей был раньше, кто что сделал... Что культурологию у нас будет читать верующая тетенька, которая все сводит к тому, что до христианства не было ни истории на земле, ни тем более культуры. Что все, кроме христиан, – варвары и по сей день. И глядя на девочку-мусульманку, которая ходит на занятия в хиджабе, наша преподавательница крестится и смотрит вверх, как будто оттуда ей одной говорят какие-то важные и тайные слова. Она кивает и снова крестится. И пытается крестить в воздухе эту девушку. Хорошо, что Айгуль на самом деле не такая уж истовая мусульманка и хиджаб надевает время от времени, просто чтобы обращать на себя внимание окружающих.

Не выдержала бы я долго нашего ужасного общежития, с душем на первом этаже, одним на весь корпус, своей старой, лет сорок не отремонтированной комнаты, где из окна дует так, что перелистываются страницы тетрадки, если сидишь за столом и занимаешься, а заклеить нельзя окно – моя соседка по комнате курит, хотя это и запрещено, и мне приходится в любую погоду настезь открывать окно, чтобы не сойти с ума от дыма. Моя бабушка тоже курит, но у нас в Питере квартира большая, и бабушка никогда не пускает дым тебе прямо в лицо. А здесь комната маленькая, дым пропитывает

насквозь всю тебя – и одежду, и волосы, и легкие. Поделаться с соседкой ничего нельзя, договориться невозможно. Она в одно ухо впускает мои слова, может даже покивать, соглашаясь, в другое – выпускает. Я написала заявление, чтобы меня перевели в другую комнату, но пока никто меняться со мной не хочет.

Не выдержала бы туалета в конце коридора, куда я первый раз зашла и вышла, не поверив, что такое бывает – на полу валяется отбитый кафель, куски труб, какие-то черные стухшие тряпки, как будто когда-то, очень давно начали ремонт, открыли половину унитазов, начали сбивать плитку, перерезали трубы, да и забыли. Так все и осталось, включая груды строительного мусора. Про запахи я уже не говорю.

Не выдержала бы всей московской гонки, безалаберности, когда опаздывают все – студенты, педагоги и декан, когда после пары задерживают на весь перерыв, всё забывают, меняют расписание на ходу, вдруг отпускают домой или держат до семи... превращают урок в балаган, задают невыполнимое, не проверяют то, что ты делал три недели, а кто-то – просто скачал чужую работу, одинаково ставят всем «плюс», молча, и все...

Всего бы этого я не выдержала, если бы второго сентября не включила вечером компьютер, чтобы посмотреть передачу, куда пригласили нашего декана и не услышала бы, как там выступает Андреев. Я раньше читала его посты, думала – хороший журналист. Но когда я его увидела, начала

слушать, во мне что-то перевернулось. Я увидела того, кого ждала всю жизнь.

Потом я прочитала на его странице, что он живет где-то в Подмосковье. А это значит, теоретически я могу его встретить – в метро (он сказал, что ездит иногда в метро), или еще где-то... Вот сяду в электричку, поеду в Подмосковье, вдруг там его встречу где-нибудь в поле... Он ставит фотографии – как гуляет со своей собакой в очень красивом месте – поле, перелески, простор...

...Я представляю, как я иду, а он мне навстречу, и собака обязательно ко мне подходит – добрый шоколадный сеттер, с умными глазами, большой головой... Андреев говорит: «Отойди, не пугай человека!» А я отвечаю: «Я не боюсь...» – «А что вы здесь делаете?» – спросит меня Андреев. – «Иду фотографировать», – отвечу я. – «Хотите, я вам покажу самое красивое место? Откуда открывается такой простор...» Я знаю это место, он часто там фотографирует – в разное время дня. Как бы найти это место...

И вот – он сам приехал к нам в гуманитарный корпус МГУ на встречу! Как я могла пропустить это?

– Где ты увидела сообщение о встрече? – спросила я Ульяну.

– Так он же вчера говорил...

– А, у меня связь прервалась...

Да, я не дослушала до конца его вчерашний домашний эфир, связь стала плохая, он замер на полупhrазе, с вопро-

сительной полуулыбкой, и, главное, фраза была такая символичная: «Завтра будет всё...» – начал говорить он и не договорил. Всё будет завтра... А завтра – это сегодня. Значит, всё будет сегодня. Вдруг мне удастся к нему подойти и... Упадет ли он от моей красоты, как некоторые падают навзничь? Наш Рома, внешне похожий на испорченного малолетку, есть такие пятнадцатилетние мальцы, курящие втяжку и приценивающиеся к взрослым женщинам, подошел как-то поздравлять меня с Новым годом, держа в руке шоколад, не дойдя два шага, засмотрелся и неожиданно растянулся на полу. Или Андреев просто скользнет взглядом? Особенно если рядом будет Ульяна...

Мама и бабушка часто говорят, что я совершенно не умею пользоваться своей красотой и веду себя, как дурнушка. Значит, они знают, как ведут себя дурнушки и как теоретически должны вести себя красавицы. А мне кажется все это бредом. Тем более что красота преходяща, в двадцать все красивы, в сорок – единицы, и еще она – смотря на какой вкус. Как говорил Паратов из «Бесприданницы»: «Один любит арбуз, другой – свиной хрящик».

Хотя где-то внутри нас заложено стремление к гармонии. Любую красоту можно «поверить гармонией», рассчитать. Чистую кожу и цвет волос и глаз не считаешь, конечно. А вот соотношение черт можно вывести в формулу. Нос должен быть не длиннее $2X$, где X – это расстояние между глазами, так, кажется, и есть еще всякие другие пропорции.

Конечно, когда мы смотрим на человека, мы же ничего не считаем. Кто-то или что-то считает внутри нас. Но математическая точность черт это еще не всё.

Мужчины смотрят на красивую женщину, у которой, как по формулам, нарисовано лицо: $икс$ плюс два $икс$ минус одна вторая $икс$ ... Смотрят и... И ничего. Проходят мимо, равнодушные и ничем не потревоженные. Так часто бывает. А рядом хохочет девушка с совершенно неправильным лицом, с запудренными прыщиками, несовершенной фигурой, и им – как выражается моя бабушка – как будто медом рядом с ней намазано. Почему? Кто-то умный внутри них знает, что у хохочущей девушки будет более здоровое потомство? Я не верю в эти грубые теории. В жизни все гораздо тоньше, на чувственно-энергетическом уровне.

Я не могу пожаловаться на невнимание мужчин. Но это все не то. С тех пор как я второго сентября увидела Андреева на одной передаче, жизнь моя изменилась кардинально. Теперь я думаю – а вот нравятся ли ему блондинки? И не окажется ли, что он ниже меня ростом? Не комплексует ли он рядом с красивыми женщинами? Жена у него была не очень красивая.

До четырнадцатого октября я думала: «Вот жена у Андреева...» А с четырнадцатого стала думать – «была». Потому что она от него уехала. А он в минуту слабости взял и написал об этом в ВКонтате: «Сегодня от меня ушла жена. Не получилось из меня Пигмалиона». Наверно, он потом об

этом пожалел, потому что пост убрал. Наверное, ему было очень плохо. На самом-то деле он – сильный. Он отжимается – тоже ставил такое видео. Как раз через некоторое время после четырнадцатого октября. Прикрепил телефон, лег перед ним на пол и отжимался, еще и хлопал в ладоши. Пока не задохнулся. Но улыбался до конца. Делал он это не для популярности. Просто он своим примером пытался убедить – надо отжиматься, закаляться, готовиться «к труду и обороне». Он наверняка бегает по утрам, у него хорошая фигура – ровная, стройная. И еще есть одна вещь, которая гораздо важнее его фигуры и улыбки – он верит в возможность справедливого устройства общества и жизни на Земле. Верит, пишет, снимает – всё только об этом. И вся его жизнь – ради этого. Таких людей сейчас нет, единицы. Поэтому, именно поэтому он мне близок и интересен.

Рано-рано утром в субботу, когда еще все спят, я встаю, наверное, практически одна на этаже в общежитии (занятий на многих факультетах МГУ в субботу нет) и иду в холл четвертого этажа. Телевизора у меня в комнате нет, и я всё, что мне интересно, обычно смотрю в записи, на компьютере. Но в субботу утром я включаю в холле старый-старый огромный телевизор, который никто у нас практически не смотрит, он один на пять этажей общежития, и смотрю, слушаю... Можно было бы посмотреть потом в записи, но это совсем другое. Тем более что я пересматриваю его записи, даже по несколько раз, если что-то было особенно интерес-

ное. Но живой прямой эфир ни с чем не спутать. Ты понимаешь, что вот сейчас он где-то рядом, ведь я – в Москве, и он в Москве. Он стоит в студии и говорит в камеру, наверняка думая – а кто-нибудь встал так рано, чтобы послушать его умные мысли о стране и о времени? Да, я встала! Я слушаю. Я – за него, вместе с ним!

Я очень изменилась как раз из-за его передач. Я ехала сюда одним человеком, твердо зная, чем хочу заниматься в будущем. А теперь все стало меняться. Я хотела заниматься художественными выставками и, может быть, когда-нибудь стать директором хорошего музея. Не обязательно Эрмитажа, у нас музеев в городе хватает. Наш город называют культурной столицей России, как говорит мама – приблизительно с тех пор, как нашей страной стал править человек, родившийся и выросший в Ленинграде. Я люблю свой город, мне это приятно. Но я знаю о своем городе много такого, что мне лично не позволяет кичиться и хвастаться нашей особой культурой. Памятников и в других городах хватает. А в наших старых парадных и дворах-колодцах можно найти столько грязи и убожества, что хватит на несколько «особых репортажей» и даже серий документальных фильмов, если кому-то будет интересно это смотреть.

Так повернуть свои мысли мне тоже помог Андреев. Раньше я ходила и не замечала ничего вокруг себя. А теперь, слушая его еженедельные передачи, читая статьи, смотря его фильмы, я представляю и то, что происходит в стране, и свое

будущее несколько по-другому. И я невольно представляю себя вовсе не в родном городе. Не в прекрасной северной столице, не с мамой и бабушкой... Сама себя спрашиваю – ну и что это за ерунда? И сама себе отвечаю – не знаю.

Представляю я себя в скромном, но хорошем и большом деревенском доме. В таком именно доме живет Андреев. Точнее, это ничего не значит, но...

Монахов и Андреев приехали без опоздания. Конференц-зал был почти полным, собрались студенты с разных гуманитарных факультетов. Зал у нас в корпусе очень старый, ни разу не ремонтировавшийся за много-много лет.

Мы с Ульяной постарались сесть поближе к сцене. Кресло подо мной скрипнуло, и подушка стала подозрительно проваливаться с одной стороны.

– Мне нравится, что всё такое старое... – Ульяна провела рукой по обтрепанной спинке красного кресла впереди.

– Ты издеваешься?

– Нет, почему... Просто я представляю себе, сколько здесь сидело студентов за все эти годы... И сколько раз здесь вручали дипломы, сколько знаменитых людей, самых умных, здесь выступало с разными докладами...

– Ты идеалистка еще больше, чем я, – заметила я, ловя себя в который раз на странном ощущении. Вот ведь очень похожий на меня человек – Ульяна. Похожий, а не близкий мне. Почему? Что мешает мне? Наша похожесть?

– Идут... – кивнула Ульяна на сцену. – Какой он, оказывается...

– Какой?

– Небольшой! – засмеялась Ульяна.

Я внимательно посмотрела на Ульяну. Идут двое, а она говорит – «какой он»...

Андреев с Монаховым не стали садиться, взяли в руки микрофоны и встали ближе к краю сцены, потому что освещения на сцену не дали, и они выступали при общем, довольно тусклом свете. Студенты стянулись поближе к сцене, чтобы лучше видеть. Я огляделась. Кажется, не все пришли сами – кого-то привели преподаватели, потому что некоторые студенты сидели с телефонами, кто-то играл, кто-то смотрел видео или переписывался. Сосед справа от меня ловил сачком каких-то зеленых прыгающих существ. На сцене – сам Андреев, а он...

Впрочем, я догадываюсь, что не все читали его статьи и смотрели его фильмы. Поэтому и не знают, что перед ними – один из умнейших и интереснейших людей поколения. А возможно, у некоторых и критерия такого нет – «умнейший». Умнейший для них – это значит «скучнейший». Для многих девочек с нашего факультета – именно так.

Монахов – тоже интересный журналист. Но с остроумнейшим, оригинальнейшим Андреевым его не сравнить. Тем более Монахов почти совсем лысый, полноватый и некрасивый. Я такая глупая, что мне это важно? Значит, да. А как

же мой хваленый ум? Для этого случая он не годится. Женское мышление сложнее, оно больше связано с чувственными и нерациональными впечатлениями, анализировать которые гораздо сложнее.

Выступление и Монахова, и Андреева были достаточно короткими, я поняла, что культовые журналисты не очень высокого мнения о нас, студентах гуманитарных факультетов МГУ, потому что толком они ничего нам не сказали. А когда начались вопросы, один глупее другого, Андреев и вообще сел на одно из приготовленных низких темно-синих кресел и стал весело разглядывать зал, чуть ли не напевая что-то себе под нос. Выражение лица у него было, по крайней мере, именно такое – когда поешь веселую песенку, так, чтобы никто не слышал, про себя, но она создает твой собственный фон, барьер, сквозь который трудно пробиться. Ему нужен барьер – от нас? Зачем тогда было приходить? Он ожидал увидеть какие-то другие лица? Надо было тогда идти к физикам, биологам или к почвенникам. Они серьезнее и глубже многих гуманитариев – и своим делом занимаются, и в политике гораздо лучше разбираются, я за год учебы уже успела таких встретить.

Неожиданно Ульяна подняла руку и встала, даже не дожидаясь, пока на нее обратят внимание. Монахов ей благожелательно кивнул. Ульяна громким, звучным голосом, не подходя к микрофону, у которого уже выстроилась небольшая очередь, спросила:

– Скажите, если бы вы могли вернуть страну в какую-то определенную точку и все начать сначала, то какой год вы бы выбрали?

Я видела, как Андреев что-то быстро сказал Монахову, тот обернулся и протянул товарищу свой микрофон, тяжелый, старый, металлический проводной микрофон, такой уже нигде и не увидишь, кроме нашего гуманитарного корпуса, наверное. Да еще где-нибудь в сельском клубе.

Андреев, поигрывая микрофоном и отводя в сторону его провод, улыбаясь, подошел к краю сцены и начал говорить, обращаясь прямо к Ульяне. Та села на свое место и стала спокойно и внимательно его слушать. А я, поскольку сидела прямо рядом с ней, почувствовала, что начала краснеть, потому что у меня было ощущение, что он говорил это и мне. Или только мне... Трудно было понять, на кого именно он смотрит. На высокую темноволосую Ульяну, стройную, красивую, или на меня? Или еще на кого-то рядом, кто пришел просто так? У нас на факультете много красавиц, так подбралось, к нам поступали девочки, которые ничего про себя не знают, кроме того, что они красивые и хотели бы заниматься культурой... Или не заниматься... быть в кадре... на обложке журнала... вести какие-нибудь передачи... или заведовать чем-нибудь культурным... всегда быть красиво одетыми... открывать выставки... представлять где-то нашу страну... Это не про нас с Ульяной, конечно. Точнее так – не про меня и не про Ульяну.

Но и на фоне этих красавиц я выделяюсь, я знаю это. Тем хотя бы, что у меня есть ум и цель в жизни.

Я стала вслушиваться в то, что говорит Андреев, хотя мне очень мешало то, что он обращался как будто ко мне лично. Вот сказал бы он сейчас: «А хотите, мы с вами прогуляемся по набережной Москвы-реки? Или в Ботаническом саду МГУ? Покажите мне всё вокруг... Воробьевы горы... Или я вам их покажу... Я ведь старше... Я много раз здесь бывал, не с девушками, нет... Снимал в разное время года... Вы же знаете меня, какой я беспокойный... Мне все интересно». И я бы, конечно, не задумываясь, пошла с ним. И на набережную, и в Ботанический сад, и куда угодно... Пошла бы в его простой дом...

Дом я видела на фотографии в Сети. Двухэтажный деревянный дом, обычно такие ставят на садовых участках для летней жизни. А он живет в нем круглый год. С собакой, двумя котами. Раньше жил с женой и дочкой. Теперь – один.

И я пошла бы в этот деревянный дом с ним и осталась бы там жить. Я не знаю, какие там есть удобства, красиво ли и уютно внутри. Какая разница? Если там живет он. Трудно себе представить человека в быту, если видишь его только в официальной обстановке. Но ведь он – человек. Он завтракает, обедает... Что-то любит, что-то нет... Бреется, чистит зубы... От мысли, что все могло бы быть у нас общее, мне становится радостно и тревожно одновременно.

Я стала думать о том, как он живет. И пропустила ка-

кой-то момент, студенты засмеялись, довольный Андреев аж покраснелся. Что-то, видимо, такое сказал, что все оценили. Ульяна обернулась ко мне: «Хорошо, что мы пошли, правда? – прошептала она. – Он – лучший...» Даже самая умная девушка глупеет в присутствии того, кто ей нравится... Да, я не ошиблась. Он ей нравится. Я бы предпочла этого не знать. И как нам теперь с ней общаться?

– Так что... – закончил Андреев свою блестящую речь, которая вызвала такую реакцию у студентов, – все мы с вами не винтики, а крупинки пороха, которые однажды могут вспыхнуть и взорваться.

Высокий студент с гладко зачесанными светлыми волосами лениво поднял руку и неожиданно получил микрофон от девушек, которые минуту назад дрались за то, чтобы задать вопрос.

– Статья 29 УК РФ, – так же лениво, как он двигался, заметил студент. – Призыв к свержению существующего строя. Вы ведь предлагаете студентам МГУ организовываться в ячейки, чтобы свергнуть существующий строй? Верно?

– Нет, – спокойно ответил Андреев, слегка посмеиваясь. – Я предлагаю студентам МГУ не тухнуть, обкуриваясь или бессмысленно проводя все свободное время в торговых центрах, а ценить свою единственную жизнь и заниматься саморазвитием. А уж куда вы разовьетесь, это ваше дело.

– Нет, – тоже усмехнувшись, ответил студент, не обращая внимания на то, что кто-то следующий тянул руки к микро-

фону. – Вы только что сказали, что единственный способ исправить ситуацию с экономикой, политикой, образованием, здравоохранением и культурой – это изменить существующий строй.

– Так я же не сказал – «свергнуть», я сказал – «изменить»! – засмеялся Андреев. – Вы записали? Проверьте? Я знаю, что я говорю.

– Потому что постоянно призываете к этому! – буркнул студент и наконец отдал микрофон.

– Скажите, а правда, что вы пишете песни и поете их на концертах? – спросила неожиданно следующая студентка, с пышными волосами до плеч, зачем-то выкрашенными в ярко-красный цвет. Не представляю, как надо себя не любить, чтобы захотеть так поменяться.

Андреев пожал плечами и отдал микрофон Монахову.

– Вы не ответили! – крикнула студентка, пытаясь удерживать микрофон в руках.

– Он поет? – с некоторой оторопью спросила я Ульяну.

Та кивнула, еще больше порозовев. Обычно бледная, с матовой кожей Ульяна сейчас сидела вся раскрасневшаяся. Я ненароком потрогала свои щеки. А я? Как сейчас выгляжу я? Как последняя дура? Или как самая последняя? Вот это да... Это же мой секрет и мой Андреев... При чем тут какая-то Ульяна... Она знает о нем то, чего не знаю я... Да и вообще... Относится к нему, как будто между ними уже есть какая-то связь... Я же вижу... Я ведь тоже могла бы так сме-

до что-то его спросить... Но не спросила же...

Я немного подумала. Встала и стала пробираться к очереди к микрофону. Стоять в ней я не собиралась, тем более что там были одни мальчики, и они с удовольствием (некоторые) или же со вздохом уступали мне место, и я все проталкивалась и проталкивалась вперед. Только два последних мальчика – один явный вундеркинд, на вид лет тринадцать, но почему-то с обручальным кольцом, второй – довольно высокий, худой, с пухлыми, как будто вывернутыми наизнанку губами и глазами навывкате, встали плечом к плечу и загородили мне проход.

Андреев тем временем снова подошел к краю сцены.

– Вы призываете к победе коммунизма, а моего прапрадедушку репрессировали в тридцать седьмом! – выкрикнул «вундеркинд».

Монахов кивнул, Андреев тоже кивнул.

– Это не ответ! – стал заводиться вундеркинд.

Я рассмотрела его кольцо, на самом деле – обручальное, мне не показалось. Сколько же ему лет? Ни волосинки на румяном детском лице, глупые глаза, неровные, не доросшие до своего нормального размера зубы...

– Юноша, – улыбнулся Андреев, совсем не зло, а скорее даже сочувственно, – ответить можно лишь на вопрос. Сформулируйте вопрос, и я вам на него с удовольствием отвечу.

«Юноша»-вундеркинд недоуменно покрутил головой, а я

слегка ткнула его пальцем в то место, где должны прощупываться ребра, если ты, конечно, не наел лишнего жира, жевившись в двенадцать лет. Второй парень перехватил у него микрофон, откашлялся прямо в микрофон, так что девочки стали закрывать уши, и спросил:

– Журналистика – это шлюха. А журналисты тогда кто?

– Сутенеры, наверное, ты это имеешь в виду? – усмехнулся Андреев. – Или ее клиенты. Старая шутка. Микрофон отдай, будь любезен, красивой блондинке, которую сейчас затопчут.

– И не кашляй прямо в микрофон, – внятно проговорила я.

Пока высокий губастый парень чухался, не зная, как ему реагировать, что его единственного Андреев назвал на «ты» (Хорошо это или плохо? Оскорбление, или счел его за равного?), и что-то мычал, я сама отобрала у него микрофон, просто аккуратно вытащила из рук.

У меня было столько вопросов к Андрееву, что мне не хватило бы не только этой конференции, но и целого дня, чтобы задать хотя бы половину из них. Но я спросила лишь одно:

– О чем вы мечтаете?

Дико завыли несколько мальчиков – так им стало смешно, их поддержало несколько женских голосов... но и все. Вой быстро стих.

Андреев внимательно смотрел на меня. Не так, как на

Ульяну недавно. Внимательнее. И... иначе. Что-то такое вспыхнуло в его взгляде, я это видела. Что-то, чему нет точных слов. Если начнешь подбирать слова, получится банально и неточно. Даже в таком великом и богатом языке, как наш, нет некоторых понятий. Потому что чувства сложны и тонки, и мы сами иногда не понимаем, что с нами происходит.

Андреев ответил мне одной стихотворной строчкой, такой простой, прекрасной и точной, что у меня выступили слезы. Потом, в общезитии, я пыталась вспомнить, пыталась найти ее... Что это было? Его стихи? Ведь он сам пишет песни, я это узнала вечером, когда стала искать информацию о нем и его творчестве. Я думала, что знаю о нем все. Да нет же. Оказывается, у него есть псевдоним, точнее, название музыкальной группы, которую он создал и в которой поет, это и есть его псевдоним. Станный, притягательный, который невозможно расшифровать однозначно... – «эфиоп_и_я» – так называется его группа, пишется с маленькой буквы, всегда. Ульяна это знала, я – нет. Кто такой «эфиоп»? Он сам? Или эфиоп – Пушкин? Или это собирательно – поэзия? Или вообще какой-то неизвестный эфиоп? Может быть, это слово надо расшифровывать по буквам? Или не надо докапываться, а просто – слушать и понимать: вот такой он загадочный и необыкновенный, этот Андреев... стройный и сильный, резкий и интеллигентный, с умными внимательными глазами, с красивыми, тонкими, но не изнеженными ру-

ками, которыми он умеет всё делать, с быстрым, оригинальным, глубоким умом... Андреев, Андреев, Андреев... Прекрасный Андреев...

Строчку я так и не нашла, потому что забыла ее. Только поняла, как он мне ответил на мой вопрос. Я спросила, о чем он мечтает, а он ответил – обо мне. Откуда я это знаю так точно? Есть вещи, которые понимаешь по-другому. Ведь понимают нас цветы и животные. Допустим, собака знает какие-то слова, кот тоже. А ёж? Прошлым летом на нашу дачу пришла ежиха с крохотными ежами. Она потом куда-то девалась на время, мы даже с бабушкой думали, что ее раздавили грузовики, сновавшие к нашему соседу со стройматериалами. Но она появилась снова. А маленькие ёжики питались у нас две недели, куда-то прятались – под дом, под сарай – и появлялись снова. И они понимали слова. Они понимали, когда я говорила: «Иди сюда». Что они слышали? Как понимали? Получали какой-то мыслеобраз? Да, наверное, так. По крайней мере, мама-врач именно так и объяснила, когда мы рассказали о наших чудесных гостях, понимающих человеческую речь. Бабушка скептически всех отнеслась к ним, считала, что они слышали запах еды и бежали на него. И что они, как настоящие мужчины, любят запах табака. Почему бабушка решила, что все ёжики были мужчинами – неизвестно.

Интересно, курит ли Андреев. Я практически уверена, что нет. Хотя мне уже все равно. Я к запаху табака привыкла

из-за бабушки. Сама не курю, боюсь, что у меня будут плохие сосуды, так говорит мама, я могу ей верить, мама каждый день видит смерть, и теперь умирает очень много молодых. Мама тоже не курит и почти не пьет, что странно для врача-хирурга. Но мама говорит, что не любит себя в ситуациях, когда ее собственная голова ей не принадлежит. Бабушка может выпить в праздники, особенно со своими подругами, когда они приходят к нам вспомнить молодость и попеть, и не только в праздники. У бабушки есть «маленькая законная» – это крохотная рюмочка коньяка, которую она частенько выпивает вечером «вместо корвалола». Мама только усмехается, но не спорит.

А у меня, наверное, вышло так, что мамино странное отношение к спиртному выработало еще в детстве условный рефлекс: как только появляется это особое состояние, к которому, собственно, все и стремятся – временная потеря разума, – у меня начинается паника. И она тем сильнее, чем больше я теряю свой разум и становлюсь легкой, веселой без причины, начинаю громко хохотать, мысли разлетаются, легкие, необязательные, и их не собрать... В этом прелесть? Наверное.

Одно из самых главных удовольствий человека – потерять то, чем он и отличается от животных, то есть свой разум. Как это странно. В тот момент, когда я это поняла, я и вовсе испугалась. Я подумала – ведь не может такого быть, чтобы до меня этого никто не понимал. Значит, понимая, люди созна-

тельно идут на это. Все праздники, и большие, и малые, большинство людей меняют свое сознание. Праздник – это весело. Весело – это без рассудка. Рассудок мешает веселиться. А я, человек, хочу веселиться. Когда я веселюсь, когда я без разума, – мне хорошо. А когда думаю – грустно и плохо. Но ведь я – человек именно потому, что я думаю. Cogito, ergo sum – «Я мыслю, значит, я существую». То есть я в праздник хочу перестать быть человеком. Мне тяжело и скучно быть человеком, я хочу быть безмозглым. Странный алгоритм.

Интересно, если бы моя мама когда-то не объяснила мне, почему она не любит выпивать с бабушкиными подругами, и даже приходя после самых тяжелых операций, задумчиво качает головой и отодвигает рюмочку вишневой наливки, которую заботливо пододвигает ей бабушка, я бы размышляла о таком? Вообще, иногда мне кажется, что мой дух попал в какое-то не то тело. Мое тело мне часто мешает.

После встречи с Андреевым к нам с Ульяной привязались трое студентов с философского факультета. Глупые, занудные и неотвязчивые. Они пришли из другого корпуса, не знали, где у нас буфет или столовая, и никак не отставали, делали вид, что не понимают, где лифт, на какой этаж ехать... Ульяна то и дело оборачивалась на Андреева, которого окружили студенты, и всё пыталась объяснить философам, на каком именно лифте нужно ехать, а какой не останавливается на нужном этаже, а я смотрела издали на Андреева и понимала – вот сейчас надо подойти к нему. Ведь он не зна-

ет, как меня найти. А я знаю. Я могу написать ему в Сети. Я могу подойти сейчас и... И что? Что ему сказать? Просто подойти и посмотреть, что будет? Я же не могла спутать, я почувствовала, как изменился его тон, его взгляд, когда он обращался ко мне...

Я быстро кивнула Ульяне, сказав: «Я сейчас», и стала продирается сквозь студентов, которые шли мне навстречу. Я видела, как оглянулся Андреев, как будто ища кого-то глазами, и быстро ушел. Монахов за ним. Они вышли в другую дверь, и я не стала бежать за ними. Я знала – он искал глазами меня. И не нашел. Как теперь быть? Бежать на улицу, ждать его там, подойти и сказать: «Привет!»? Так мы вроде уже здоровались и разговаривали, и даже посмотрели в глаза друг другу.

Черт, если бы не эти глупые студенты... Зачем их приняли на философский факультет, если они никак не могли взять в толк, что есть лифт, который не остановится на этаже, который им нужен? А им срочно надо набить свои тощие животы...

Я почувствовала, что у меня начинается паника и подступает сильнейшее раздражение, выдохнула и остановила саму себя. С чего паника? Ушел Андреев? Так не на войну же. Раздражение? Я подышала, глядя в окно на огромные, с пятиэтажный дом, голубые ели, которые растут у Вечного огня перед корпусом гуманитарных факультетов. Ерунда какая, в сущности, вся моя паника. Если судьбу всё время подталки-

вать, что-то подстраивая, то судьба может покатиться совсем не в ту сторону. Нет, сидеть и ждать у моря погоды, сложив лапки, конечно, не нужно. Но рубить шашкой всех и вся на пути к своему счастью тоже неправильно.

Ко мне подошла Ульяна, за ней плелись все те же три студента. Я быстро оценила ситуацию. Один шел просто так, за компанию, второй – черненький, худенький – явно смотрел на Ульяну, третий – высокий, полноватый (у этого как раз живот был не тощий) и шатающийся на обеих толстых ногах, как на шарнирах, всё притирался, притирался ко мне и постоянно пытался шутить. Сейчас он заранее заготовил шутку. Шутка была у него в телефоне, он протягивал его мне и хотел, чтобы я посмотрела, как небольшая черная собака прыгает на лежащего на боку борова и пытается его разбудить. Боров лежит на коврике, в комнате, очевидно, считает себя домашним животным и на лающую и задирающуюся к нему собаку внимания не обращает, спит себе и спит. Собака лает и лает, и толкает его лапами.

Парень протягивал телефон, смеялся и смотрел, засмеюсь ли я. Я молча пожала плечами, потому что слов у меня просто не было. Такая степень глупости... И он хочет мне понравиться? Парень был довольно симпатичный, с густыми русыми волосами, постриженными обычно, без причуд, с серыми глазами, приятным открытым лицом. Но «с лица-то воды не пить!», как выражается моя бабушка, имея в виду, что день посмотришь, два посмотришь и надоест. Тем более

что с такими толстыми ногами вообще рассчитывать на что-то очень трудно, по крайней мере, у меня. Качаться надо или хотя бы бегать по утрам. И не жрать все подряд. Я уже успела заметить, что из кармана его клетчатой рубашки вываливается недоеденный шоколадный батончик, а из рюкзака торчит огромный пакет чипсов.

– Что ты хотел? – спросила я его.

Парень замер, перестал смеяться, обиженно убрал телефон.

– Ничего, – ответил он. – Это... типа... я – Игнат.

– Молодец, редкое имя, – пожала я плечами. – А глупый почему такой, Игнат?

Парень от неожиданности рассмеялся, стал еще симпатичнее.

– Хорошо, пошли в кафе наверх, – кивнула я, видя, что Ульяна хмурится, слушая разглагольствования другого парня. Тот разливался соловьем, махал руками, задев проходящую мимо пожилую преподавательницу. Я прислушалась, что он рассказывает. Понятно. Пересказывает содержание какого-то видеоролика. Игнат вот даже пытаться не стал – включил видео, да и все, сунул мне под нос. Так ухаживают наши мальчики. Когда я рассказала бабушке, она не поверила, решила, что я стала окончательной феминисткой и ругаю мальчиков просто чтобы ругать.

Мы медленно шли к лифту, ждали его, в первый не вошли, потому что между нами ловко просочились китайцы и сразу

же заполнили лифт до перегрузки.

Китайцы у нас двух видов – бедные и мажоры. Бедные ходят всегда стайками по пять – семь, а то и по десять человек, малорослые, плохо одеты, от них всегда резко и неприятно пахнет, трудно описать чем. Смесь сладкого табака, дешевой жареной еды, приторных духов. Но есть и богатые. Они очень хорошо одеты, ходят по одному, выше ростом, есть стройные и холеные, есть откормленные и холеные, и ничем особенным, «не европейским», от них не пахнет.

Я попыталась рассказать маме и бабушке о своих наблюдениях и напоролась на полное непонимание. Они бросились меня воспитывать в духе интернационализма, пытались убедить, что по расовому и национальному признаку делить людей нельзя, приносиваться к ним нельзя, оценивать их по одежде нельзя... Они жили в другое время, у них были другие ценности и принципы. Странно только, куда все их идейные установки так быстро девались, задержались лишь в головах некоторых людей. Особенно с принципами на меня наседала бабушка, понятное дело. Которая хоть социализм и отрицает, но пропитана его идеалами насквозь.

Мы с новыми знакомыми-философами дождались наконец лифта и поехали на десятый этаж в буфет. Мальчики все это время показывали смешные видео и фотографии, одновременно пытаюсь рассказывать что-то про своих преподавателей, но это у них совсем не получалось. Их товарищ стоял сбоку и плелся сзади, не поднимая головы от телефона,

один смеялся, проглядывая какие-то ролики. Вот, собственно, некая замена спиртному найдена – подключение мозгов к мировой сети видеокомиксов.

«Я перестаю существовать в реальной действительности, я хочу все время смеяться, и я смеюсь, включив нескончаемый поток смешных видео. Я не хочу знать процентное соотношение богатых и бедных в разных странах, я не хочу думать, почему так все несправедливо в мире, я не хочу думать о том, что скоро нам не будет хватать питьевой воды, о том, что белое человечество уменьшается, что планете грозит перенаселение, я не хочу учиться решать задачи, я не хочу вдаваться в хитросплетения мыслей древних философов, я хочу только смеяться...» Как бедная мышка, которой экспериментатор вживил проводок в мозг, в центр смеха и удовольствия, и соединил проводок с педалькой. Мышка жмет и жмет на педальку, побежит к мисочке, быстро поест и снова жмет – до изнеможения, до коллапса...

Игнат, который терся рядом, вдруг спросил меня:

– Ты в общежитии живешь?

– Да, а что?

– А я москвич.

– Молодец.

– С кем ты в комнате? С ней? – Он кивнул на Ульяну.

– Нет. Она москвичка.

Игнат стал смеяться. Я видела, что он, как и его друг, перевозбудился оттого, что мы с ними познакомились. Он хо-

тел сказать что-то умное, спросить что-то смешное и вообще – произвести впечатление, но не знал, как. Я могла бы сказать ему, что на меня уже произвел впечатление один человек, и этот человек – не он. Но я ничего не говорила, зная, что все равно, даже если бы я не встретила Андреева, с такими глупышками, как эти парни, мне делать нечего. И Ульяне, я думаю, тоже. Она откровенно смеялась над своим ухажером, а он этого не понимал и думал, что произвел на нее впечатление.

– Что вы несете, молодой человек? – не выдержав, пробормотал в лифте какой-то пожилой профессор. Здесь, в МГУ, есть классические преподаватели, как будто сошедшие с оживших фотографий середины прошлого века. Аккуратно и скромно одетые, с портфелями, в круглых или больших роговых очках, правильные, строгие.

Ульянин ухажер, только что громко рассказывавший, как у упыря из живота вылез глист и что-то очень странное спросил, стал теперь смеяться, как заводной заяц, который был когда-то у меня в детстве, тоненько, заливисто, с маленькими перерывчиками – хохотнет, помолчит, еще хохотнет, еще помолчит. Я поняла, что это тоже один из его приемов развеселить публику, потому что все в лифте, включая профессора, стали смеяться. Я видела, что каждый смеется по своей причине. Пять китайцев, передвигающихся по этажам единой массой, смеялись просто потому, что их зажали в углу лифта и они не могли двинуть ни одной из своих десяти рук.

Профессор смеялся от нашей глупости, Ульяна – от смущения и негодования одновременно, потому что все шутки этого парня были обращены к ней, я – потому что вспомнила своего мягкого зайца, который смеялся, если потянуть за колечко. Игнат, притершийся ко мне окончательно, смеялся оттого, что прижат был ко мне сейчас слишком тесно, и был этим счастлив.

Наш смеющийся лифт долго ехал, останавливаясь на каждом этаже, везде долго, с огромным трудом открывая двери, что вызывало у всех, особенно у наших ухажеров, взрывы нового хохота, но наконец мы выкатились на десятом этаже. И здесь, на площадке, на фоне серой, грязной стеклянной стены, немойтой с внешней стороны лет двадцать, стоял самый прекрасный, самый умный, самый лучший в мире человек. Ловкий, стройный, тренированный, с прекрасным профилем и прекрасным анфасом, с твердым подбородком, белыми зубами, неожиданной улыбкой, которую он всегда быстро сгоняет с лица, с хорошими, внимательными карими глазами, с румянцем! – это такая редкость среди наших серо-зелено-фиолетовых студентов, недосыпающих, недоедающих, дымящих, напихивающихся химической едой...

Андреев разговаривал с каким-то преподавателем, а трое или четверо девушек снимали его на большую камеру и телефоны. Наверное, это были студентки со старших курсов нашего факультета или из магистратуры, я смутно помнила одну из них. Понятно, у них учебное задание – сделать ре-

портаж о встрече с известными журналистами. Монахова рядом видно не было.

Ульяна, наверное, не заметила Андреева и продолжала идти дальше с нашими новыми знакомыми. А я остановилась. Я не могла идти, если он – вот здесь, на расстоянии нескольких шагов. Я не знала, что мне делать, и поэтому достала тетрадь из сумки и стала читать сегодняшнюю лекцию нашего декана. Я не понимала ни одного слова, но пыталась вчитаться. Ведь я же не потеряю голову от своей любви? Я ее уже не потеряла? Нет? Нет. Я ни головы, ни саму себя не потеряю. Я не для этого приехала в Москву.

Я постояла так, пару раз взглянула на Андреева, энергично, но при этом довольно равнодушно отвечавшего теперь на какие-то вопросы девушек, послушала его голос, тряхнула головой, да и пошла прочь. Я не буду, как попрошайка, ждать его взгляда. А как быть – совершенно непонятно. Очень хотелось с кем-то поделиться и посоветоваться, но с кем? С Ульяной, самой в него явно влюбленной? Или с мамой и бабушкой? Да ни за что на свете, я ведь представляю, что начнется, если они узнают.

Я догнала уже в буфете Ульяну и ребят. Третий куда-то подевался, а двое, которым мы понравились, так неотступно и следовали за ней. Игнат крайне обрадовался, увидев меня. Он стал смеяться, громко звать своего друга, хотя тот был совсем рядом:

– Фил, Фил!.. А помнишь, как наш этот... пастор... при-

шел...

Второй парень, которого, судя по всему, звали Филиппом, стал кивать:

– Ага, в платье... на экзамен...

– В платье? – слегка удивилась Ульяна.

Я видела, что ей наши новые знакомые тоже были совершенно не нужны. Какие уж тут мальчики с философского, когда где-то рядом сейчас Андреев...

– Не!.. – стал покатываться Игнат. – Не в платье! В этой, как ее... сатане...

Мальчики стали хохотать и пихаться.

Все-таки Игнат очень симпатичный, только невероятно глупый. Откормленный маменькин сынок, холеный, балованный москвич, может быть, не слишком богатый, но точно не из такой семьи, как я, где мама по девять часов стоит у операционного стола и не может купить себе самой дорогое немецкое лекарство, поскольку эта мама не хочет брать деньги за операции. Есть еще где-то, конечно, такие врачи, как моя мама. И в ее больнице такие наверняка тоже есть. Притом что люди сами хотят ее отблагодарить, мама всегда отказывается от денег. Она может взять цветы, конфеты, кто-то догадывается подарить ей билеты в Мариинку или дорогое издание классики. Но деньги, которых у нас нет, мама не берет. Это – принцип. Люди все равно платят больнице, потому что большинство делают операцию в платном порядке, очереди дожидаться очень сложно. Кто-то поступает по

«Скорой», и некоторые даже ждут приступа и надеются, что им удастся избавиться от своего больного органа или тромба быстро и бесплатно. Но не всегда стоит ждать острого приступа, потому что неизвестно, как это может кончиться, мама часто разводит дома руками: «Пришли бы раньше, все бы по-другому было...»

Почему-то я вспомнила сейчас о маме. Может быть, потому что рядом с этим мальчиком четко видела его маму, которая одергивает его за рукав, с любовью гладит по щеке, подкладывает ему самые лучшие кусочки, внимательно смотрит на его подругу, которую Игнат однажды приведет и представит маме...

– Не сатана, а сутана! – вспомнил, наконец, Филипп.

Они дальше стали смеяться, теперь уже над словом «сутана», наперебой рассказывая о парне с их курса, который упорно стоит на том, что он лютеранин, и не просто верующий, а будущий пастор, и ходит в этой связи на занятия в настоящей сутане. А преподаватель по истории не пустил его на экзамен, и парень закатил скандал на всю страну. Он оказался сыном настоящего пастора, учится, кроме МГУ, еще в какой-то религиозной высшей школе, причем не в России, а в Америке, и пытается любым способом напоминать о своих исключительных правах религиозного меньшинства и отстаивать их.

Я считаю, что это все надуманное и нарочное. Способ выделиться. У нас тоже есть такие на курсе и в корпусе, ко-

которые пытаются выделить чем угодно – от неестественного цвета волос до ярко-зеленых трусов, которые видны в дырки модных джинсов, специально порванных в определенных местах. Я тоже купила себе джинсы, порванные на коленях. Когда наступили осенние холода (в Москве не так промозгло, как у нас, но холоднее), коленки стали мерзнуть, и я пришила под эти дырки кусочки разноцветной материи.

– Как тебя зовут? – вдруг спросил Игнат, видя, что я не смеюсь их шуткам про «сатану» и «сутану».

– Тузик, – пожала плечами я. – Поздно ты спохватился.

– Как?! – хором спросили оба парня и, не дожидаясь ответа, стали опять ржать.

Мы с Ульяной переглянулись и стали заказывать еду, потому что как раз подошла наша очередь. Я не хотела ничего, переволновалась на встрече и о еде сейчас думать не могла, поэтому взяла только бутылку питьевой воды. Ульяна заказала кофе, который она всегда берет в любом месте. Я пыталась ей сказать, что то, что она пьет, никогда не росло ни в Гондурасе, ни в Перу, ни в Панаме, ни в Колумбии. Но Ульяна лишь смеется и отмахивается.

У нее смех – как сильная смеховая волна. Когда она смеется, люди оборачиваются, тоже улыбаясь. Ее смех вовлекает всех окружающих и несет за собой. Это какое-то очень приятное свойство. Я тоже смеюсь вместе с ней, хотя часто бывает, что минуту назад мне совсем не хотелось смеяться. Иногда даже я не знаю причину ее смеха. Но Ульяна по-на-

стоящему умная, поэтому часто ей смешны неожиданные вещи. Жаль, что мы не можем быть подругами. Теперь, выяснив, что нам обоим нравится Андреев, – тем более.

У меня в классе были две девочки, которым на протяжении одиннадцати лет всегда нравились одни и те же мальчики. О ком-то они вздыхали безнадежно, с кем-то удавалось встречаться одной из них или обоим, по очереди. Один из их избранников был такой беспринципный и любвеобильный, что ходил в обнимку с обеими, и им это как будто даже нравилось. Они никогда серьезно не ссорились. Мне это было удивительно. Я видела, что не настолько они друг друга любят, просто им удобно вместе, они во многом совпадают.

Мы с Ульяной тоже совпадаем и... не испытываем друг к другу большой симпатии. Почему? Не знаю. Меня раздражает ее московская необязательность и пижонство. Она так красиво всегда одета... Не знаю – дорого или нет, но красиво. Умеет выбирать и сочетать вещи, наверное. У меня так не получается. А пижонство ее заключается в особом шике небрежности, с которым она носит вещи, причесывается, как будто не причесываясь, перехватив волосы красивой широкой резинкой, ходит без каблуков, и как будто совсем не хочет никому нравиться. Теперь-то мне понятно – почему... Зачем ей нравится нашим дурачкам, которые путают слова, как младшие школьники (наши мальчики с курса – абсолютно такие же дурачки, как Филипп и Игнат, и еще пытаются казаться глупее, чем есть, чтобы вызвать смех и внимание).

Зачем ей нравится нашим мальчикам, когда она хочет нравиться только одному человеку... Как и я...

Мальчики набрали себе еды, ели, давясь, потому что одновременно смеялись и разговаривали, плевали едой на себя, на стол, изо всей силы махали руками... Из чего я сделала вывод, что мы очень им нравимся. Так, что даже отвлекаем от еды, обычно это сделать довольно трудно.

Игнат с набитым ртом пытался рассказывать и показывать какого-то преподавателя, который то ли шепелявил, то ли картавил. Это было совсем несмешно, я старалась отодвинуться подальше, поскольку Игнат при этом ел сосиски с кетчупом и плевался соусом. Филипп пытался его перебить, потому что Игнат показывал преподавателя неправильно, а Филипп хотел показать, как надо.

Мы с Ульяной переглянулись, я взяла свою недопитую бутылку воды, мы встали и ушли. Мальчики закричали:

– Эй! Вы чего? Вы куда?

Но еду не оставили, из чего я сделала вывод, что они все-таки нормальные. Еда – важнее. И это правильно. Подкрепись, а потом уже беги догонять свою девушку. Или ту, которую ты для себя присмотрел и будешь добиваться, чтобы она стала твоей. Или ждать, громко смеясь и обращая на себя внимание, пока она тебя завоюет – скорее так, у наших мальчиков в основном такой алгоритм.

– Как тебе Андреев? Ты раньше тоже его в жизни не видела? – спросила я Ульяну, не потому, что я не знала, как он

ей. А потому, что мне хотелось говорить только о нем.

– Не пойму пока... – улыбнулась Ульяна. – А тебе?

Я пожалала плечами и отвернулась. Вот и поговорили. Поэтому мы никогда не подружимся. Каждая закроется в свой домик и будет там сидеть, самая красивая и самая умная.

– Пойдешь на концерт? – спросила меня Ульяна через некоторое время. – Одиннадцатого?

Я молча кивнула. Понятно, на какой концерт. С таким выражением лица она могла говорить только об одном концерте – о том, где будет выступать Андреев. Странно, пока у меня не вяжется пение с его обликом. Я не успела найти его песни в Интернете, не слышала пока, как он поет... Я не тороплюсь это узнать. Может быть, до концерта не буду слушать. Пусть это будет для меня настоящим открытием. В том, что мне понравится, как поет Андреев, я не сомневаюсь.

Я пришла в общежитие, включила ноутбук, попробовала начать писать работу, которую нужно было сдавать через несколько дней. Тема оригинальная – «Мой путь от дома до учебы». Ульяна сказала, что она уже написала пять страниц. И моя соседка по блоку, Айна, приехавшая из Кабардино-Балкарии по национальной квоте, которая тоже учится на нашем курсе, вчера написала полстранички, показала мне, чтобы я подсказала, как закончить.

А я думала – ну что мне писать? Как я спускаюсь по лестнице, подхожу к остановке, жду автобус, еду две остановки, выхожу и дохожу до нашего корпуса? Примерно так Айна

и написала. Я еще посоветовала ей для объема, чтобы дотянуть хотя бы до двух страниц, описать какого-нибудь водителя, несколько пассажиров и завсегдатаев подземного перехода – это самое интересное. Хорошо, что Айна отмахнулась и писать больше ничего не стала, тем более что она чаще всего вызывает такси. Поэтому сама я решила обязательно описать и молодого скрипача, невысокого, щупленького, играющего в переходе с осени, перед Новым годом раздобывшего где-то наряд деда Мороза, который ему был очень велик, и пожилую женщину, продающую перчатки, и «нищих» из местной мафии, каждый день выходящих с каким-нибудь новым оригинальным сценарием, и восточных молодых людей, заросших щетиной до глаз, зорко отслеживающих чужаков и сразу выгоняющих их...

Я начала писать, дошла до нищих, описала «оперного певца», парня, который не пел, но сидел с табличкой «Помогите беженцу!» и сам заводил разговоры, объясняя, что он певец, что пойдет на любые мероприятия, где можно спеть, что он из Донецка, не инвалид, не раненый, просто беженец... Я дала ему пятьдесят рублей и пообещала поискать в Интернете работу для него, он пропал, а потом снова появился, месяца через полтора, и я слышала, как он слово в слово пересказывал то же, что и мне. Возможно, ничего в его жизни не изменилось. Или он переходил с точки на точку, везде говоря одно и то же, один и тот же текст. Ведь если он певец и у него есть голос, он наверняка может хотя бы те же деньги за-

работать не таким унижительным способом. Но когда я вижу нищих или попрошайничающих людей (а это не одно и то же), я понимаю – в их жизни что-то уже сложилось совсем неправильно, раз им приходится выходить и просить. От хорошей жизни с табличками не садятся на пол в переходе... Надо дойти до такого края, отчаяться, разочароваться, разувериться во всех и вся...

Я написала это и остановилась. Дорога от дома до университета... Но ведь дорога от дома – это моя настоящая дорога из моего любимого дома, откуда я по глупости какой-то уехала (так мне иногда кажется), из дома, о котором я скучаю – о стенах, о моем окне, из которого виден кусочек набережной, о двух моих ненаглядных котах и, главное, о маме и бабушке, которым без меня плохо, так же, как и мне без них... Я не смогла приехать на свой день рождения – он пришелся на среду. Я с трудом уехала из дома после зимних каникул. И ни разу еще в этом семестре не ездила. Вот то, как я ехала – не в первый раз, не летом, когда поступала, и не во второй, когда ехала, еще не зная, что меня ждет, какое общежитие, с кем и где я буду жить, а в самый последний раз, после двух недель каникул, когда просто невозможно было в какой-то момент начать собираться, когда я никуда больше не хотела из дома ехать... Вот это я, пожалуй, и опишу.

– Поедешь? – спросила меня бабушка, зажигая сигарету и усаживаясь у открытого окна, закутанная в свой специальный курительный плед, когда увидела, что я вытащила гла-

дильную доску и принесла свои вещи для глажки.

– Бросишь курить – не поеду! – ответила я.

– На том свете брошу, – философски заметила бабушка, качая ногой в большом войлочном тапке и теплых светло-серых носках. – Будешь на могилку приходить, укорять меня. А я тебе сигналы посылать буду с неба: «Больше не курю! Бросила!..»

– Ба... хватит уже!.. – Я подошла к бабушке и обняла ее. – Ерунду говоришь. Кури себе на здоровье.

– Понятно. Едешь, значит. Вещей бери побольше! Холодища там в этой твоей Москве. И люди злые.

– А то у нас добрые.

– У нас – другое. У нас климат плохой. Имеем право. – Бабушка стряхнула пепел на улицу. – Вот приеду к тебе весной, пойдем в Большой театр... на четвертый ярус... Как думаешь, хватит у нас денег?

– Хватит, там билеты по пятьсот рублей, приглашаю тебя. – Я поцеловала бабушку. – А если ты точно обещаешь приехать, то я заранее возьму билеты. Они будут дешевле.

– Точно? Что, как на поезд?

– Ага.

Я огляделась. Вот если бы учиться в Москве, но не уезжать из дома, каждый вечер видеть бабушку и маму, если она не остается на дежурство... Наши москвичи, живущие дома, даже не подозревают, как им повезло. Хотя вот Ульяна говорит, что она в душе – житель маленького городка и

хотела бы когда-нибудь уехать из Москвы насовсем.

– Подружилась с кем-то? – спросила бабушка. – Так ни о ком и не рассказала толком.

– Так не о ком рассказывать, ба. Пока не пойму. Подружилась вроде с девочкой из общежития, но она влюбилась, и теперь вообще сама не своя, ничего не видит и не слышит. Он – другой веры, тащит ее в свою веру, она мусульманка, он иудей...

– Как у вас все интересно... – покачала головой бабушка. – Все смешалось... В космосе космонавты бобы выращивают, по полгода там маются, а у вас боги разные, никак не разберетесь... А ты?

– Что – я?

– Влюбилась?

Я увидела бабушкин взгляд. Нет. Не расскажу. И хочу рассказать, но не буду.

Вот это я и описала в своем рассказе, без лишних личных подробностей. Я не стала описывать толстые носки, в которых сидела бабушка, с большими красными крестиками на щиколотках. На правом носке – справа, на левом – слева. Бабушка считает, что носки, как и ботинки, надо носить только на правильной ноге. Иначе придет некая «хромуля» и заставит тебя хромать. Я абсолютно уверена, что эту хромулю бабушка выдумала сама, когда часами рассказывала мне сказки в детстве – все, которые знала, придумывая к ним продолжения, новые финалы, неожиданно трагичные.

Бабушка не любит сладких финалов. Ее кумир – сказка о Курочке Рябе. Загадочная и трагичная. И при этом никто не умер. Вот в таком духе бабушка смело правила все русские и особенно нерусские сказки. Спящая Красавица, проснувшись, отказывалась выходить замуж за принца, ее поцеловавшего, Красавица понимала, что просто не имеет права на личное счастье, ведь из-за нее все ее королевство поросло паутиной и мхом, все всё проспало! И принц, поцеловавший такую энергичную Красавицу, застывал от горя. Я понимала, что это не навсегда, а до поры до времени, когда Красавица управится со всеми своими делами... Но так и не дождалась, бабушка так и не расколдовала того незадачливого принца.

А они еще с мамой удивляются, что я поехала учиться в Москву, чтобы стать однажды министром культуры. Ведь бабушка именно такую схему заложила мне в голову. Я теперь это отлично понимаю. Сначала разберись со страной, а потом уже строй свое личное счастье...

Я писала рассказ до половины четвертого утра, потому что никак не могла поставить точку. И остановилась, когда увидела на экране телефона сообщение от Ульяны, она послала мне его два часа назад, перед сном: «Сегодня в 20.00 Андреев поет со своей группой в клубе на Арбате. Я только что увидела анонс».

Она послала мне и фотографию короткого анонса. Он появился тоже только два часа назад. Странно, почему они так поздно дали объявление? Такое спонтанное решение...

Может быть, им кто-то предложил выступить вместо себя? Неважно, все это неважно... Не надо ждать до одиннадцатого марта – ура... Но это так неожиданно... Я еще не решила, пойду ли я... И зачем мне идти туда с Ульяной... Как глупо... Но не пойти – еще глупее...

Я легла спать, мгновенно уснула и тут же открыла глаза. Мне казалось, я совсем не спала, но нет – будильник прозвенел вовремя, половина девятого, сегодня ко второй паре. Я пробовала первое время в сентябре бегать, принимать утром холодный душ, но сдалась. Воздух вокруг общежития загрязненный, рядом пересечение двух проспектов, до университетского парка бежать далековато. В душе ужасающе пахнет... В общем, сдалась. Бабушке говорить об этом не стала, и когда приезжала на каникулы, то дома и бегала, и обливалась душем – как она обычно заставляла меня все мое детство. Говорят, что не прививается то, чему заставляют. Мне кажется, у меня как раз наоборот. Что заставляли делать, к тому я и привыкла, и считаю это своей сущностью. А может быть, это и не так... Или просто в безалаберной Москве я становлюсь другой? Или меня некому заставлять... А так хочется, чтобы кто-то иногда сказал: «Надя, вставай, не валяйся, Надя, не надо туда ходить, смысла никакого нет, зачем тебе этот Андреев, он старше тебя на девятнадцать лет...»

Весь день я перечитывала посты Андреева, даже смотрела его фильм без звука, наушники надевать на лекциях не стала. Лекции были так себе, больше похожи на профанацию,

у нас не все предметы интересные, но сидеть в наушниках – унижать преподавателя, так мне кажется.

Я волновалась перед концертом так, как будто шла с ним знакомиться. Я ведь видела его вчера и даже задавала ему вопрос. Но я понимала, что увижу его сегодня в другом качестве... В пении человек открывается совсем иначе...

Ульяна ко мне подошла за день только один раз, спросила, выбрала ли я тему для курсовой работы. Я видела, что она хочет спросить что-то другое. И почти догадывалась что. Но она больше ничего не спросила, и я не стала ей помогать. Зачем? Разве мы подруги? Разве что по несчастью. Или по счастью – не знаю пока, влюбиться в Андреева это счастье или нет. Хотя влюбиться вдвоем в одного и того же – это уже беда.

Как нарочно, мне весь день в университете попадались на глаза очень странные пары. Я пыталась найти в этом какой-то символ.

Он – громадный, толстый, не вмещающийся в свои огромные бегемотовы штаны, зеленые, со спущенными подтяжками цвета хаки. Вроде как – военные штаны... Разве бывают такие военные? Идет налегке, разглагольствует, даже не смотрит на нее, а она – крохотная, как Дюймовочка, с тонюсенькими ножками, с легкими светлыми волосиками, спадающими на лицо, обкорнанными по моде – каждый волосок разной длины – тащит свой набитый рюкзак, смотрит на него с восторгом... Ну ведь что-то в нем вызывает в ней такой

восторг!.. Что? Его объем? Я услышала обрывок разговора. Он хвастается, что «урыл» какого-то профессора своими вопросами... Послушать бы его вопросы...

Другая пара – оба покрасили волосы в розово-зеленое. Половина головы – розовая, половина – зеленая. Он волосы специально отрастил до плеч, чтобы быть похожим на нее. Одна длина волос, одинаковые очки, одежда почти одинаковая – пестрые мешковатые толстовки, короткие джинсы в облипочку, голые щиколотки, еле видные полосочки белых носков, мокасины-унисекс, одинаковые. Поженились, наверное, или просто стали вместе жить, и это их совместный вызов миру. Ну ладно, хотя бы вместе...

Третью пару парой с ходу не назовешь, потому что шли они в стайке других студентов, но я выхватила глазом ее и его. Они то и дело переглядывались, смеялись чему-то своему, незаметно для других жестами показывали что-то друг другу... Они выделялись из всех, между ними была почти зримая связь. Это, наверное, здорово. Только у меня пока так не было. Я не знаю, что такое любовь. Точнее, теперь, кажется, начинаю понимать. Но любовь – на расстоянии. Любовь – безо всякой надежды. Или почти без надежды. Любовь – мучение. Не хотела я это так определять для себя. Как-то само определилось.

После занятий я пошла в библиотеку в нашем здании, в читальный зал, взяла Кальдерона, попыталась почитать. Нет, ничего не лезет в голову. Перед глазами – Андреев, в ушах –

его голос. Я воткнула наушники и стала смотреть его фильм, который видела уже раз пятнадцать. Лучше, чем он говорит о мире, истории, политике – просто не скажешь. Лучше не снимешь. Он – невероятно талантлив. Зачем ему я?

Но я же красивая... Все так говорят... Не знаю, я этого не чувствую. Я вижу себя в зеркале и на самом деле не понимаю, чем уж так все восхищаются. Тем более что я не слишком изящна. На мой вкус – корова. Бабушка говорит – откормленная на домашних щах и пирогах коровушка. Мама говорит – все нормально, выгляжу здоровой, и на самом деле я почти не болею. Мальчикам и мужчинам постарше (13–70+) ведь не мешает мой плотный сорок шестой размер? Нет. А мне мешает, и мне хотелось бы быть такой, как Ульяна. Может быть, еще поэтому нам с ней никогда не подружиться. Потому что я ей завидую. Я пытаюсь говорить себе правду всегда. Иногда эта правда настолько неприятна, что меняет мир. И делает все безвыходным. И тогда лучше временно от нее спрятаться. Вдруг время пройдет, и она станет немного другой?

Но что касается размеров моих собственных бедер – эта правда мой мир не взорвет. Да, я такая. Я бегаю, я ловкая, я неплохо двигаюсь, но я – откормлена на нежнейших бабушкиных пирожках с картошкой, с яблоками и с капустой. И даже здесь в Москве я начала было худеть от непривычного рациона столовой и перекусов в общежитии, да остановилась. А садиться на диеты, голодать и думать только о еде,

выбирая на лекциях в Интернете рецепты, тортики, пирожные, пиццы, которые я съем, когда похудею на два размера, я не хочу.

Промучившись в библиотеке над Кальдероном, прочитав двадцать две страницы за два с половиной часа, я пошла в общежитие. Ведь надо собраться, одеться, надо еще найти этот клуб. У меня в телефоне есть навигатор, но я однажды шла по нему, как полная дура – либо надо идти, склонившись над телефоном, врезаясь в других прохожих, либо – воткнуть в ухо наушники и идти, как зомбьяк, вдруг резко поворачивая, не соображая, куда идешь... Некоторые еще разговаривают вслух с навигатором в своем телефоне, ругают его за нерасторопность или вредность... Поэтому я стараюсь заранее посмотреть маршрут, запомнить его и идти по Москве, как по знакомому городу. Знакомому и... чужому. Родной мне Москва, наверное, никогда не станет.

Если честно, я уже не раз пожалела, что поехала сюда учиться. Ну что, вернуться домой, сказать маме и бабушке: «Я так без вас скучаю, что бросила все и приехала обратно?» Чушь. Или не чушь, не знаю... Мама с выбором не поможет, она считает, что я должна делать свои ошибки и идти своим путем, что я совсем другая, а значит, она мне даже советом может навредить. Бабушка, наоборот, все знает и всегда советует. А потом говорит: «Но ты меня, Надежда, не слушай. Живи свою жизнь» – в общем, говорит то же, что и мама.

Ближе к семи сердце мое стало колотиться. Я сама себя

спрашивала: «Что? Что такое? Я же не буду с ним знакомиться... Я же не буду к нему подходить...» А вдруг он меня узнает, увидит в зале? Что он подумает? Что я его фанатка – задавала вопрос на встрече, приперлась на концерт... Какой там будет зал? Наверняка маленький... Как он относится к фанаткам? Вообще – есть ли у него фанатки? Я же точно не фанатка, нет, я никогда в жизни так себя не назову... Да и Андреев вовсе не звезда, чтобы у него были фанаты. Просто он... он... самый лучший.

Да.

Пришли.

Как я смеялась над своей школьной подружкой Соней, когда она влюбилась в преподавателя по физкультуре! Я же все видела со стороны. Маленькая глупая влюбленная Соня была сто лет ему не нужна. Зачем я так смеялась? Вот я и сама теперь в такой ситуации...

Ровно в семь, минута в минуту мне позвонила Ульяна. Не написала ВКонтакте, а позвонила. Обычно никто никому не звонит, это неудобно и в этом нет никакой необходимости, все можно сказать письменно, человек прочитает твою записку, когда ему будет удобно. Есть ведь даже определенный код. Например, если ты видишь, что человек был в Сети, но твое послание не открыл, это означает, что он не хочет его сейчас читать, что у него есть дела и разговоры гораздо важнее, а ты уже сам делай выводы.

На курсе у нас есть общая беседа, так же, как была и в

классе. И некоторые, особенно мальчики, ленятся писать в личку, открывают беседу и там пишут вообще все подряд, даже то, о чем лучше никому не рассказывать, но это мальчики, и они сейчас такие по развитию, какой я была лет в тринадцать, когда собиралась стать машинистом поезда дальнего следования, чтобы ездить по всей нашей огромной стране – я бы попросилась, к примеру, на поезд Санкт-Петербург – Петропавловск-Камчатский и ездила бы, ездила, возила бы людей, ощущала бы себя очень нужной. Я долго представляла себе, как я веду поезд, за моей спиной – много людей, я обязана их привести в правильное место, они мне верят, на меня надеются... И наверное, это в результате повлияло на мое решение стать министром культуры, для этого мне даже пришлось поехать в Москву поступать в МГУ. Ведь нельзя же быть министром культуры без хорошего образования.

– Идешь? – без предисловий спросила меня Ульяна по телефону.

– Иду, – тоже без выкрутасов ответила я. А что крутить? Мы друг друга поняли.

– Встретимся на Старом Арбате у театра Вахтангова. Знаешь, где это? Найдешь?

– Найду.

Я вообще-то сама приехала из северной столицы, где тоже – метро, где тоже много улиц. Но я знаю эту фанаберию москвичей. Им очень смешно, когда в их выросшем когда-то без всякого плана городе и продолжающем расти по тому же

принципу – где есть свободный пяточок, там и построим – кто-то не может найти нужный дом. Точнее, глубоко в схеме Москвы есть удивительный план. Если посмотреть с высоты полета на ночную Москву, то можно и увидеть несколько неровных окружностей, и двенадцать неровных линий, расходящихся из центра под разными углами. Но внутри – безалаберность и нагромождение разнородных зданий. Если и был когда-то чертеж, он со временем стерся.

Ульяна вчера говорила, когда нас осаждали мальчишки-философы, что есть районы города, где она никогда не бывала, и таких районов – много. Некоторых названий новых станций метро и новых отдаленных районов не знают сами москвичи. У нас не так. И я, в отличие от некоторых петербуржцев, не мечтаю, чтобы к нам переехало правительство и президент. За ними сразу потянутся все – торговцы и банки, клубы и всякие мародеры, желающие легкой наживы. У нас самих этого добра хватает, а будет в разы больше.

Ульяна неожиданно красиво оделась. У нее есть очень эффектные вещи, но она редко их надевает. Она бежала навстречу мне в расстегнутой куртке, опаздывая. Под курткой виднелся красивый короткий пиджачок из светлой кожи, тонкая пастельно-розовая блузка с воротничком, расшитым продолговатым розовым бисером. Брюки тоже были необычные, я раньше у нее их не видела. Черные обтягивающие джинсы с огромным вышитым белым цветком на одной но-

ге, который элегантно спускался по ее бедру. У меня таких вещей нет. И не потому что мы бедные. Мы – не бедные. Я учусь на бюджете, и Ульяна учится на бюджете. Мы не голодаем, и Ульяна – не явный мажор. По крайней мере, шофер ее не привозит, и сама она не подкатывает к МГУ на легкой спортивной машине, продав которую, можно отремонтировать недавно закрытую по ветхости поликлинику в поселке или один этаж нашего гуманитарного корпуса.

Я вообще не пойму, из какой она семьи. У нее фамилия такая, что не найдешь сведений о родственниках в Интернете. Да я бы и не стала искать. Другие уже искали. У нас есть такие люди, которые сразу стали «шарить» в Сети в поисках информации о преподавателях, о декане и о тех студентах, которые чем-то выделяются. Кто они, откуда, кто родители, какой у них доход. Хорошо, обо мне ничего не узнаешь – у мамы в Сети пустая страничка, ей некогда, не остается времени на виртуальную жизнь. У бабушки – активное общение в Одноклассниках. Но у бабушки моей и фамилия совсем другая, у мамы и у меня – дедушкина. Не знаю, искал ли кто сведения обо мне, а об Ульяне, после того как она написала лучшее эссе по предмету, который преподает декан, стали ходить слухи. «Ее дед был известным советским полководцем...». «Нет! Ее прадед был царским генералом, тот, который потом возглавил один наркомат...». «Нет! Ее дядя – композитор или дирижер... что-то в этом роде... музыку для фильмов пишет уже лет сорок...»

Сама Ульяна на вопрос о том, кем работают ее родители, ответила мне так:

– Мама – по образованию инженер, окончила МАДИ, папа – тоже.

Я больше ничего спрашивать не стала. Человек, закончивший автодорожный институт, сейчас может работать где угодно, вплоть до прилавка с овощами на воскресной ярмарке. Может работать в школе, в библиотеке, преподавать в вузе, вообще забыть о своей первоначальной профессии. Все в стране перемешалось. Всем надо было выжить. Бабушка часто повторяет, что моя мама – молодец, что она осталась работать в больнице, хотя было несколько лет, когда денег платили совсем мало. Да и сейчас мы живем скромно.

– Пойдем? – Ульяна посмотрела мне в глаза.

Это ее приятное свойство – она никогда не осматривает тебя с ног до головы, смотрит в глаза. Я – тоже. Но сейчас я не смогла не заметить, что Ульяна поменяла свой обычный небрежно-шикарный стиль на просто шикарный. А я надела пушистый голубой свитер, который мне связала бабушка. Ну и что, ладно. Он идет к глазам и в нем мне комфортно и спокойно, как будто бабушка обнимает меня за плечи, удерживая от глупости и слегка встряхивая – она так часто делала, когда я была маленькой. Я смеялась – это было не обидно и не больно, а очень весело.

– Нам далеко идти?

– Вот же Дом актера. Клуб здесь, внутри, только я не знаю,

где точно, я никогда там не была. Сейчас найдем. Ты на Арбате раньше была?

Еще одно дурацкое свойство москвичей, все из той же цепочки их фанаберий – спрашивать снисходительно, была ли я на Арбате, была ли я в Кремле, была ли я в Коломенском. Я же не спрашиваю Ульяну, во всех ли залах Эрмитажа она была и была ли вообще.

– Нет еще. Первый раз.

– Ну и правильно, – неожиданно сказала Ульяна. – Нечего здесь особенно делать. Сплошная торговля и ремонт. Темно уже, а то можно было бы быстро пройти до дома-музея Пушкина, посмотреть... В следующий раз тогда, да, Тузик?

Я кивнула. Я не уверена, что пойду сюда в следующий раз с ней. Мне она по-прежнему нравилась и не нравилась одновременно.

Кафе-клуб с оригинальным названием БарДАк (то есть «Бар Дома актеров», где бардак, по всей видимости, это обычное дело, так я для себя расшифровала его) оказался на втором этаже старого знаменитого здания, несколько лет назад горевшего, но внутри это было совершенно незаметно. Значит, хорошо все восстановили.

Мы пришли чуть позже восьми, но петь еще не начали. В небольшом полутемном зале сидело за столиками не больше тридцати пяти-сорока человек. С одной стороны помещения был бар, около него стоял кто-то, очень похожий на Андреева... С другой – маленькая сцена, на которой негромко

разыгрывались трое музыкантов. Сцена была освещена, как на дискотеке, красным и синим светом. Зрители довольно громко переговаривались, смеялись. Мы с Ульяной переглянулись, сначала сели в самый угол, откуда сцену было почти не видно. Потом, не сговариваясь, встали и перешли в центр зальчика, где была стойка и несколько высоких стульев. На них-то мы и сели, тут же рядом и повесив верхнюю одежду, все так делали.

Человек невысокого роста, так похожий на Андреева, в черной майке с надписью по-английски «Ahead!» – «Вперед!» – и большой красной звездой, в свободных синих джинсах, прошел по залу, взобрался на невысокую сцену, взял микрофон.

– Привет, друзья и подруги! – сказал этот человек голосом Андреева.

Я замерла. Да нет. Не может это быть Андреев. Во-первых, он чуть выше. Я же видела его вчера... Во-вторых, не такой лысоватый... Может быть, здесь просто свет неправильный, высвечивает что-то не то?

Ульяна тоже смотрела на него, притихнув и недоверчиво улыбаясь.

– Это он? – спросила я.

Ульяна пожала плечами и хмыкнула.

– Давай!.. – крикнул парень, сидящий неподалеку от нас и уже выпивший пару бутылок пива. – Серый, начинай!

Серый – это Сергей, Сережа. Андреева зовут Сережа. Са-

мое красивое имя, какое только бывает на свете. Значит, это он. Совсем на себя не похожий.

Андреев улыбнулся, стал чуть более похож на себя обычного, которого я привыкла видеть на экране телевизора, телефона и ноутбука. Постоянно, каждый день, по нескольку раз в день.

– Первая песня – очень старая. Кто-то ее, может быть, узнает...

– Так говорит, как будто он настоящий певец. Я вообще недавно узнала, что он поет... – прошептала мне Ульяна.

Я не стала ничего отвечать. Я как-то быстро перестроилась. Поет и поет. Человек многогранен. Вот я хотела же быть машинистом поезда. А Андреев хочет не только снимать документальные фильмы и вести передачи, а еще и петь. Почему нет?

Вступил гитарист, громко, резко. Понятно, стиль его музыки – рок. Ну, ладно. Я, правда, рок не очень люблю. Но это же рок, который играет Сергей Андреев. Сережа... Сергей Константинович...

Гитарист долго-долго играл вступление, во время которого Андреев молча улыбался и кивал в такт. И вот наконец он поднял микрофон и запел. Я замерла, не дыша. Потом с трудом посмотрела на Ульяну. Она тоже сидела, не отрываясь, смотрела на него, чуть наклонив голову. Мы переглянулись, и обе стали тихо смеяться.

– Подожди, – прошептала Ульяна, как будто смеялась од-

на я, а она нет. – Может быть, не распелся. Он же не профессиональный певец.

У меня хороший слух, я слышу фальшь. Сама пою так себе, потому что толком не училась. Начинала, бросала, снова занималась то с учителем, то ходила в музыкальный кружок в школе и в хор в доме молодежи на Большом проспекте. Играть я ни на чем не научилась, пою, как пою. Но я каким-то образом всегда слышу, кто хорошо поет, кто плохо. В хоре наша преподавательница меня часто спрашивала: «Надя, ты не слышишь, кто так врет?» Я всегда слышала, но ей не говорила. И она потом, слушая по одному каждого, находила фальшивившего и просила его петь потише. Я слышала даже, когда наш аккомпаниатор играл неточно. Не знаю, что это за свойство. Может быть, мне нужно было серьезно учиться музыке.

– Это очень стыдно, – опять прошептала Ульяна. – Он ужасно поет.

– Смысл – в словах, – ответила я, потому что не хотела консолидироваться с Ульяной против Андреева.

Я пришла на концерт к нему и ругать его вместе с Ульяной не буду.

Я уже перестала смеяться и попробовала вслушаться в слова. Андреев ведь левый, коммунист по сути своей, хотя он и не принадлежит ни к одной «коммунистической» партии, потому что считает их ненастоящими. Люди занимаются политикой, вместо того чтобы где-то работать, и многим

из них все равно, в левой или правой партии работать. Они ни во что не верят, получают зарплату, идут домой. А лидеры и вовсе – богатые и даже богатейшие люди. Для них политика – игра или способ получить где-то деньги, чтобы безбедно жить и управлять другими, ничего не делая вообще, наряжаясь, меняя галстуки, разъезжая по стране, болтая в телевизионных студиях, давая интервью ни о чем, дружа с губернаторами, охотясь, загорая, выпивая и кутя.

Андреев же пытается понять и объяснить другим, что происходит в стране и в мире, пытается помочь людям разобраться в том, кто и зачем их обманывает, почему они так плохо живут, почему так все изменилось в нашей стране, что значит слово «демократия», точнее, что прячется под этим словом. И это ему удастся. Мир, в котором я жила до встречи с Андреевым, был один. А сейчас он совсем другой. И не потому что в нем появился свет моей любви. Эта любовь не очень радостная, и дело вовсе не в ней. Просто я жила в потемках, а теперь многое понимаю и не только про сегодняшний день. Он уложил в моей голове события последних четырех веков истории России и мира, все стало на свои места. Он ответил на все мои вопросы. И я согласна с каждым его словом. Иногда мне кажется, что он говорит именно то, о чем я сама думаю, но у меня в голове сумбур, а у него – стройная логика.

Пел он тоже о том, что надо протестовать, что не надо сидеть и ждать, пока тебя превратят в раба. Какие-то имена и

ассоциации в песнях были мне непонятны, или он плохо выговаривал слова. Но суть была ясна.

Я посмотрела на людей. Вроде все довольны. Две пары ушли, не дослушав до конца вторую песню. Но остальные сидели, уходить не собирались. Девушки, пришедшие со своими кавалерами, в основном скучали или слушали равнодушно. А мужчинам очень даже нравилось. После третьей песни Андреев вдруг спросил, весело и задорно:

– А что так мало пьем? Выпьем, други и подруги!

Я опустила голову. Мне по-прежнему было немного стыдно, а сейчас стало еще хуже. Зачем он это говорит? Неужели надо выпить, чтобы поверить ему? Я и так ему верю.

Стыдно... Не может быть стыдно за человека, который затмил тебе весь мир, но это так. От невероятно противоречивого и неприятного чувства у меня даже слегка закружилась голова. Я заметила – бывают мысли, от которых становится по-настоящему плохо. Начинает поташнивать, заболевает голова... Мысль каким-то образом влияет на наше физическое самочувствие.

Я мельком глянула на Ульяну. Ей тоже плохо? Непонятно. Она теперь сидела с совершенно непроницаемым лицом, с застывшей полуулыбкой. Она больше не смеялась и фотографировала Андреева.

– Ну, как тебе? – негромко спросила я.

– Класс, – спокойно ответила Ульяна.

Я не стала спрашивать, серьезно ли она говорит. Не до-

ждешься нормального ответа. Ульяна спряталась в свою раковинку, я – в свою.

Вокруг меня был шум, в темноте лица казались странными, свет падал неравномерно, выхватывая чей-то слишком длинный или толстый нос, обвислый подбородок, неровные уши, торчащие волосы... Три-четыре женщины почему-то встали и стали придвигаться ближе к сцене, пританцовывая, хотя под такой рок танцевать неудобно – движения получаются слегка в рапиде – как будто ты очень тяжелый, хочешь активно танцевать, но тело не дает размахнуться и развернуться. Я поняла, что у сцены начинаются танцы. Странно, конечно, танцевать под песни на политическую тематику, но вот Андреев запел об одиночестве, своеобразном, понятном каждому жителю мегаполиса – когда ты один в огромной, постояннодвигающейся человеческой массе. К разгорячившимся женщинам подошла еще пара и стала танцевать в обнимку.

Две девчушки, зашедшие сюда, скорей всего, случайно, на бесплатный концерт, одна с красными волосами, висящими по лицу, другая – в ободке со светящимися меховыми ушами, стали пробираться мимо нас к выходу. Места было полно, но одна споткнулась о мою ногу и меня же грязно обругала. Я поежилась... Какая-то фантазмагория... Андреев с его высокими словами о справедливости и равенстве, о необходимости образования и самообразования, работы над собой, с его последним фильмом о нашей погибающей культуре, ко-

торый он снимал совершенно бескорыстно – снял и поставил во все Сети, без рекламы, просто так – чтобы вся страна и все люди могли посмотреть... Он и вся эта атмосфера... Но он же не виноват... Люди такие пришли...

Я никак не могла проникнуться его песнями. Сказать себе, что мне это не очень нравится, я тоже не могла.

– Отдохнем пару минут! – в этот момент сказал Андреев, прыгнул со сцены и пошел к стойке бара. Идти нужно было мимо нас с Ульяной.

Я замерла. И Ульяна вытянулась на своем высоком стуле. Андреев шел очень независимый, слегка улыбаясь, но ни на кого в отдельности не глядя. Нас с Ульяной не видеть было невозможно. Мы, как две дуры или как две умные и красивые студентки МГУ (это как посмотреть), сидели на высоких стульчиках прямо в центре темного зала. Со сцены нас, может, и не было видно. А проходя в полуметре от нас, не заметить было невозможно.

Но Андреев и головы не повернул, и глазом не моргнул. Как смотрел куда-то в свое, одному ему видимое окошко, откуда, наверно, к нему приходят и звуки, и слова, и все образы, которыми он наполнен, так и прошел, не заметив нас. Или сделав вид. У человека же обзорное зрение. Не такое, как у стрекозы, но и не такое, как у крота.

Я обернулась посмотреть, куда же он все-таки идет и зачем. Андреев на самом деле подошел к стойке бара, перекинулся парой слов со стоявшим парнем, которого он пред-

ставлял в перерыве между песнями как своего соратника и талантливого фотографа, залпом выпил из рюмки и вернулся обратно, раскрасневшийся и очень довольный. В руке у него что-то было. Проходя мимо нас, он изо всей силы куснул сухую рыбу, просто рванул ее зубами, быстро прожевал и проглотил, руки отряхнул и еще незаметно вытер о штаны.

– Вот так! – сказал он непонятно о чем, впрыгнув на сцену. – Продолжим!.. Все налили себе?

– Все! – нестройно крикнули ему несколько голосов.

– Я ничего не понимаю, – шепнула мне Ульяна.

А я порадовалась, что она первая об этом сказала.

Мне было и стыдно, и жалко Андреева, мне казалось, что ему крайне неловко. Я была уверена, что пил он у стойки не водку и не коньяк, а просто воду. А закусывал рыбой... не знаю зачем. Не мог такой человек, как Андреев, на своем концерте напоказ пить и закусывать. Такой глубокий, такой талантливый. Или это вообще не он. Его брат. Мне же показалось, что он немного не похож на себя...

Андреев спел следующую песню и прокричал:

– Ну что, о чем эта песня, а, други?

– Ни о чем! – радостно заорал парень, сидящий рядом с нами, выкинув вверх руку с «козой» – с торчащим указательным пальцем и мизинцем. – Ни! О! Чем!

Другие завывали, закричали, захлопали, затопали. Но не очень дружно. Народу было мало. В зале сидели в основном ровесники Андреева – лет по тридцать пять – сорок. Кому-то

хотелось казаться моложе, это было понятно по выкрикам и поведению, особенно к середине концерта, но это ведь практически невозможно. Возраст виден во всем, даже в том, как человек сидит. Если бы здесь были Рома и Борис, мои однокурсники, или наши новые знакомые с философского, они бы вели себя совсем по-другому. Когда наши мальчики смеются, вместе с ними начинают смеяться и преподаватели, которые только что обещали им «незачет-автомат» на летней сессии. Такой у них счастливый, глупый смех, сметающий все границы, которые ставит нам наш разум. «Я смеюсь – значит, я существую». Такой принцип у наших мальчиков. Можно целую пару смеяться над несмешной шуткой «Рома – ты гавайский ром. Рома – ты гавайский ром...», и неважно, что в прошлую пятницу они уже заводились и две пары угорали над тем же самым. Время прошло, они забыли, им опять смешно.

Самое удивительное, когда мы проходили недавно теорию смеховой культуры Бахтина, мальчики активно отвечали на семинаре, даже не догадываясь, что сами – ее яркое воплощение. Наши Рома, Боря и Антонс, наша мужская «половина».

Андреев пел без перерыва, я удивлялась, как он, непрофессиональный певец, выдерживает такую нагрузку. Пел он на самом деле плохо, но когда первый шок прошел, мне... понравилось. Просто это – какое-то другое качество человека, который нравится всем, и своими слабостями, в том чис-

ле. Это и есть, наверное, любовь. Как могла от него уехать жена? Я ведь не знаю, что у них произошло, только по отрывкам того, что писал он, и по тем фотографиям, которые ставит она в Сеть, могу делать какие-то выводы. Не скажу, что мне очень приятно смотреть на ее фото и думать, что она его жена... Лучше бы этих фотографий не было. Но я на нее подписалась, и теперь мое утро часто начинается с того, что в ленте появляются фотографии Ларисы Андреевой. Или она не Андреева, не знаю. В Сети у нее японское имя вместо фамилии. Где-то промелькнуло, что ее брат – Звалюк, но осталась ли у самой Ларисы эта фамилия, меняла ли она ее при замужестве, я не знаю.

Фотографируется Лариса часто на лежаке у бассейна, в купальнике, или же с бокалом вина в каком-нибудь американском кафе. Жена у Андреева не красивая, но манкая, это, наверное, самое правильное слово. У нее на всех фотографиях одно и то же выражение, как будто она сейчас скажет: «А ну-ка, догони, попробуй! Слабак...» И Андреев бежит за ней, бежит уже много лет, и догнать, судя по всему, никак не может, и всегда при этом знает, что он, умный, начитанный, талантливый, блестящий журналист и режиссер-документалист, – просто «слабак»!

У меня ощущение, довольно неприятное, что я за ними подсматриваю в замочную скважину. Но ведь они сами выставляют свои фотографии, которые теперь живут в Сети собственной жизнью. Любой человек может эту фотографию

скачать, рассмотреть, отредактировать, поменять, как угодно, – подрисовать усы или татуировку Ларисе и пустить в Сеть уже такую ее фотографию, с огромными усами, прикрепить ее голову к другому телу, вклеить себя, написать любые слова под фото... И никто никогда из Сети, пока она существует, эту фотографию вынуть не сможет. Разве что случится глобальное отключение электричества или к власти придет мировое правительство, которое введет какие-то новые законы и ограничения. Не разрешит Лариске посылать своему брошенному мужу приветы из Америки через всю мировую Сеть, через сотни любопытных и совершенно равнодушных глаз.

Зимой, когда я приезжала на каникулы, мы много с бабушкой философствовали на эту тему. Что делать и куда мы все идем? Бабушке легко – она предлагает вернуться в 1914 год, до начала Первой мировой войны. Как это сделать, бабушка не знает, но предлагает постоянно. О том, что происходит в Сети, моя бабушка знает отлично, потому что сама пользуется Интернетом, подписана на всякие монархические группы.

А лучшая подруга моей бабушки, тетя Маруся Бибеткина, которую мы с мамой, подмигивая друг другу, зовем «Пипеткина», увлеклась Инстаграмом и стала заправским фотографом. Сначала она фотографировала на телефон свои цветы и вид из окна. Потом стала фотографировать своего кота и себя. Селфи ей не понравились, она сосредоточилась на ко-

те, выставляя в Сеть каждый день до пятнадцати фотографий кота. И надо сказать, у нее нашлись подруги по несчастью (несчастье – отсутствие головного мозга). Они пишут ей комментарии, она им... Так дружба и завязалась, Маруся Пипеткина стала проводить по несколько часов в день в Инстаграме, желая своим виртуальным «френдам» доброго утрачка, доброго дня, доброго вечера и спокойной ночи. Тетя Маруся назвалась в Сети «marusenka», и вот эта «Марусенка» просто с ума сошла, на мой взгляд. Она фотографирует свою чашку кофе, пишет «Дарю вам чашечку этого ароматного кофе» и ставит в Сеть. И ей мгновенно несутся ответы не только с разных концов России, но и мира: «Спасибо, marusenka, спасибо! Какой вкусный кофе! Thanks, my dear friend! Soooooo sweeeeeeeet!»... Ну и прочие сладкие-пересладкие «чмоки-чмоки» на доступных тете Марусе и ее виртуальным со-болтушкам языках, то есть на искаженном русском и искаженном английском, очень удобном, международном примитивном языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.